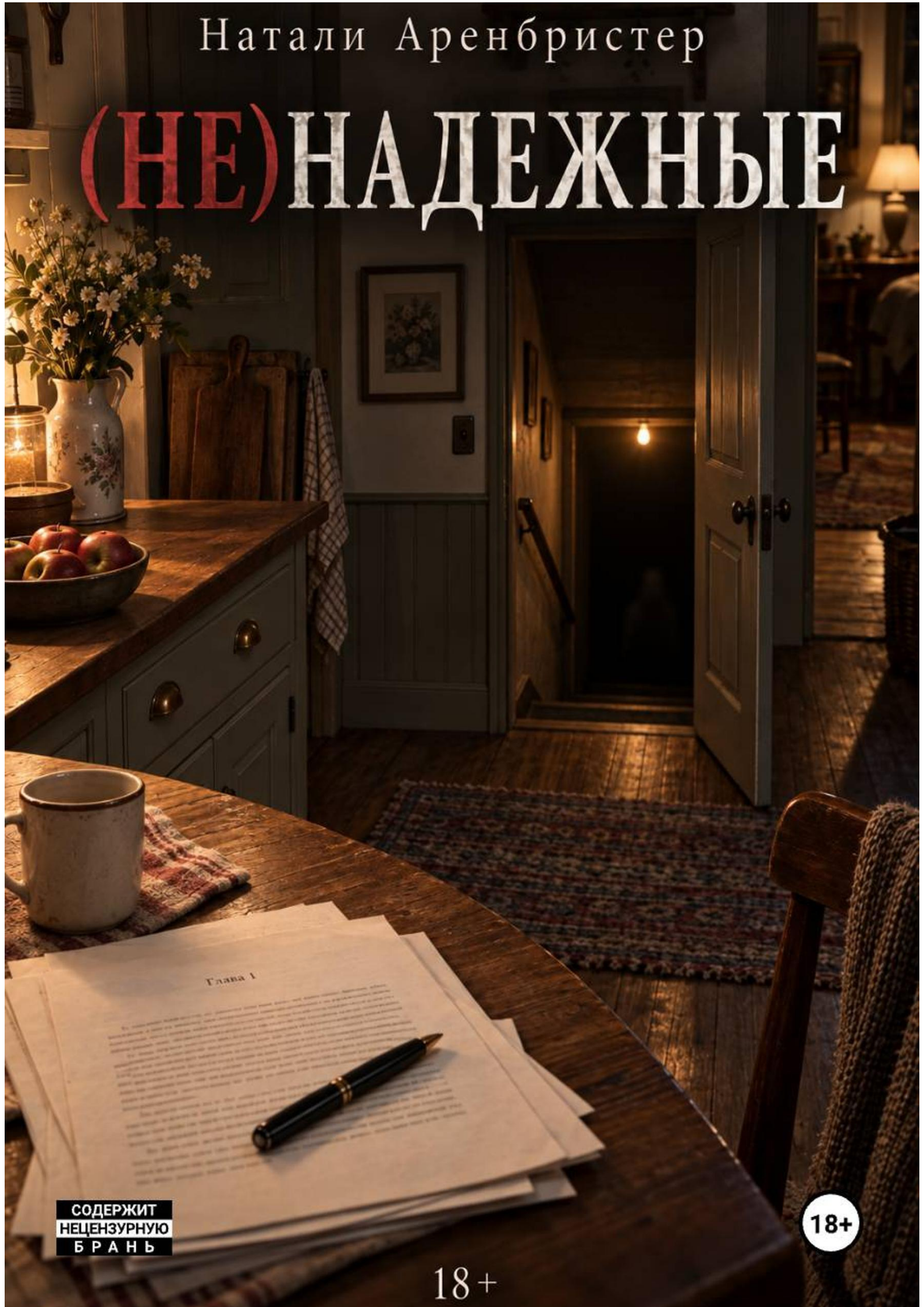

Натали Аренбристер

(НЕ) НАДЕЖНЫЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Натали Аренбристер
(не)надежные

«Автор»

2026

Аренбристер Н.

(не)надежные / Н. Аренбристер — «Автор», 2026

Луиза Хант знает о монстрах больше большинства людей: она придумывает их для своих книг. И знает главное правило — выдумку всегда можно изменить. Стереть лицо. Добавить зубы. Заставить исчезнуть. Поэтому, когда в новом доме появляется то, что не подчиняется её воображению, Луиза предпочитает решить, что просто слишком много работает. Затем Теодор замечает чужие следы. Вещи начинают пропадать. А сцены из старых черновиков Луизы, которые никто не должен был читать, одна за другой происходят в реальности. Кто-то знает её истории слишком хорошо. И пока Луиза пытается понять, чему можно доверять — собственным глазам, мужу или правилам жанра, — выясняется: самое опасное чудовище легче всего не заметить именно тогда, когда всю жизнь учился их придумывать.

© Аренбристер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Окно	5
Глава 2. Плохой писатель	19
Глава 3. Заселение	34
Глава 4. Два мальчика	48
Глава 5. Подвал	66
Глава 6. Девочка в жёлтом	90
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Натали Аренбристер (не)надежные

Глава 1. Окно

Дом выглядел оскорбительно нормально.

Луиза даже остановилась у калитки, будто ожидала, что с другого ракурса он всё-таки исправится.

Не исправился.

Два этажа. Светлая, чуть посеревшая от времени штукатурка. Тёмная крыша без единого трагически покосившегося флюгера. Шесть высоких окон на фасаде, по три на каждом этаже. Крыльцо с четырьмя ступеньками. Никаких башенок, горгулий, выбитых стёкол или засохшего дерева, которое протягивало бы к спальне мёртвые ветви.

На участке даже росла вполне здоровая яблоня.

Луиза посмотрела на неё с неприязнью.

— Не нравится? — спросил Теодор.

— Очень нравится.

— По лицу не скажешь.

— Я просто рассчитывала хотя бы на одного ворона.

Теодор захлопнул машину и посмотрел на крышу.

— Могу заказать.

— Настоящего?

— На маркетплейсе наверняка есть пластиковые.

— Тогда лучше сразу муляж человеческой руки в водосток. Чтобы не мелочиться.

Он усмехнулся и протянул ей ключи от машины.

— Я думал, мы приехали снимать дом, а не подбирать тебе декорации.

— Одно другому не мешает.

У крыльца уже ждали двое.

Первый был электриком. Это становилось понятно ещё до того, как человек представлялся: рабочая куртка, тяжёлый кейс, фонарик, выглядывающий из кармана, и выражение лица мужчины, которого привезли посмотреть на проблему, заранее предупредив, что проблема «небольшая».

Второй оказался риэлтором.

— Джозеф Виннерс.

Он пожал руку Теодору, потом Луизе.

Ладонь была прохладной и мягкой. Рукопожатие осторожным, будто Джозеф боялся случайно сломать ей пальцы или свои.

Лет сорок с небольшим. Может, сорок пять. Вязаный коричневый кардиган поверх рубашки, брюки, немного собиравшиеся гармошкой над туфлями, редкие светлые волосы, слишком старательно зачёсанные на пробор. Лицо незлое. Даже приятное, если не считать привычного выражения человека, который заранее извиняется за то, что занимает место в пространстве.

Луиза мысленно поставила ему диагноз: риэлтор, которого можно заставить вернуть комиссию одним тяжёлым вздохом.

— Очень рад знакомству, миссис Хант.

— Луиза.

— Конечно. Луиза.

Он тут же кивнул, словно получил исправление от учителя и боялся повторить ошибку. Теодор бросил на жену быстрый взгляд.

Этот взгляд означал: *не ешь человека*.

Луиза ответила взглядом: *я вообще ничего не делаю*.

Они прекрасно понимали друг друга без слов.

— Как я писал вашему мужу, — продолжил Джозеф, — дом сейчас не совсем готов к заселению. Поэтому и цена ниже обычной. Основная проблема с отоплением, ещё нужно закончить электрику. Но сам дом в хорошем состоянии. Крыша новая, окна меняли пять лет назад, сырости нет...

— Кроме подвала, — вставил электрик.

Джозеф моргнул.

— В подвале обычная для таких домов влажность.

Электрик пожал плечами.

— Обычная.

Луиза уже полюбила его.

— Видишь? — тихо сказала она Теодору. — Началось.

— Что началось?

— «Обычная влажность в подвале».

— Лу.

— Всё, молчу.

Джозеф улыбнулся, хотя шутки явно не понял.

Ключ повернулся в замке.

Дом впустил их без единого скрипа.

Это тоже было почти неприлично.

Луиза задержалась на крыльце.

Теодор уже вошёл вслед за электриком и Джозефом, но через секунду высунулся обратно.

— Ты идёшь?

— Посмотри пока без меня.

— Ты же хотела увидеть дом.

— Я хочу сначала осмотреть его снаружи.

Он прищурился.

— И?

— И ничего.

— Луиза.

— Тео, иди проверяй розетки.

— Ты ведь не собираешься лазить по участку и искать могилы?

Она выдержала паузу.

— Пока нет.

— Это «пока» меня не успокоило.

— Тогда не задавай вопросов, на которые не хочешь получать честные ответы.

Теодор покачал головой и исчез внутри.

Через несколько секунд из дома донёсся голос электрика:

— Щиток сначала покажите.

Луиза осталась у крыльца с Джозефом.

Тот, видимо, решил, что потенциальную клиентку нельзя бросать одну, и тоже не вошёл.

Первые минуты они просто обходили дом.

Сбоку пристроили небольшую котельную. За ней начинался задний двор, затем ухоженный участок довольно резко переходил в высокую траву, а дальше подступал лес. Не сказоч-

ный. Не тёмный. Обычный сентябрьский лес: зелень ещё держалась, но между ней уже проступала ржавчина.

Луиза глубоко вдохнула.

Здесь действительно было тихо.

Не та пустая, искусственная тишина хорошего отеля, где за стенами существует сотня людей, но архитекторы очень дорого постарались сделать вид, будто их нет.

Настоящая.

Ветер.

Листья.

Где-то далеко птица.

И всё.

Наверное, именно за этим они и приехали.

Последние три месяца Луиза не могла написать ничего, что ей не хотелось бы немедленно утопить.

Героини ходили в подвалы.

Двери закрывались сами.

Мёртвые дети рисовали чёрными карандашами.

Зеркала отражали то, чего не было в комнате.

Кто-нибудь обязательно просыпался в три часа семнадцать минут ночи, словно у всей нечисти мира существовал единый профсоюз и утверждённый график выхода на смену.

Позавчера Луиза написала сцену, в которой женщина обнаруживала под кроватью человека с зашитым ртом.

Дочитала.

Представила собственного редактора.

Удалила.

Через пять минут восстановила из корзины, потому что двести сорок слов всё-таки были двумястами сорока словами.

Потом снова удалила.

Теодор нашёл её в четыре утра на кухне, когда она ела сыр прямо из упаковки и смотрела в стену с таким выражением, будто именно стена испортила ей карьеру.

На следующий день он предложил уехать.

Не в отпуск.

Просто снять дом на несколько месяцев.

Тишина, лес, никакой привычной квартиры, никаких соседей сверху, никакого лифта, никакого кафе через дорогу, куда она ходила писать, чтобы в итоге сорок минут разглядывать людей.

Луиза согласилась.

И вот теперь перед ней стоял идеальный дом для человека, которому требовалось перестать думать о хоррорах.

Наверное, поэтому она почти сразу подняла голову к окнам второго этажа.

В крайнем правом что-то шевельнулось.

Луиза остановилась.

Не лицо.

Не рука.

Даже не силуэт целиком.

Просто движение.

Тёмное пятно там, где секунду назад за стеклом была только полутёмная комната.

Кто-то стоял возле окна и отошёл в глубину.

Она ещё несколько секунд смотрела туда.

Пусто.

— А кто наверху?

Джозеф тоже поднял голову.

— Простите?

— На втором этаже кто-то есть?

— Нет.

Ответ прозвучал настолько быстро, что Луиза перевела взгляд с окна на него.

— Совсем?

— Ваш муж и мистер Мерфи осматривают дом.

— Они уже поднялись?

— Не думаю.

Из открытой входной двери донеслось:

— В подвале старый ввод?

Голос электрика.

Потом Теодор:

— Здесь выключатель где?

Оба явно находились внизу.

Луиза снова посмотрела на окно.

Ничего.

Белая занавеска висела совершенно неподвижно.

— Может быть, отражение, — сказал Джозеф.

— Может быть.

Она не любила это объяснение.

Не потому, что не верила в отражения.

Просто люди слишком часто называли отражением всё, чему не успевали придумать другого объяснения.

У отражений была геометрия.

У света было направление.

Стекло не являлось мистическим экраном, на котором по необходимости материализовывался любой удобный силуэт.

Но спорить Луиза не стала.

Пока.

Они дошли до задней стороны дома.

Здесь на втором этаже было только два окна. Одно широкое, вероятно спальня или кабинет. Второе маленькое, скорее всего ванная.

Лес начинался почти сразу за участком.

— Долго пустует? — спросила Луиза.

— Около семи месяцев.

— А предыдущие жильцы?

— Здесь жили владельцы. Потом переехали ближе к дочери.

— Живы?

Джозеф посмотрел на неё.

— Да.

— Жаль.

Он растерялся.

— В смысле для истории, — пояснила Луиза. — Для них, безусловно, прекрасно.

— Конечно.

Джозеф улыбнулся.

Улыбка вышла осторожной.

— А почему тогда семь месяцев никто не снимает?

— Дом не выставляли сразу. Владельцы собирались продать. Потом передумали.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы же риэлтор.

— Люди иногда меняют решения.

— Уже подозрительно.

Джозеф снова улыбнулся.

На этот раз ещё слабее.

Луиза почувствовала знакомое движение где-то под рёбрами.

Не страх.

Скорее зуд.

Крошечный механизм, который слишком долго стоял без работы и вдруг провернулся на один зубец.

Она посмотрела на дом.

Семь месяцев пустует.

Слишком дешёвый.

Проблемы с электричеством.

Проблемы с отоплением.

Влажный подвал.

Человек в окне.

Господи.

Как безвкусно.

— Сейчас угадаю, — сказала она. — В подвале есть старый колодец.

Джозеф замер.

Луиза тоже.

— Есть?

— Не колодец.

— Люк?

— Технический доступ.

Она медленно расплылась в улыбке.

— Куда?

— В старую дренажную систему.

— Нет.

Джозеф нахмурился.

— Что?

— Нет-нет-нет. Только не говорите, что она соединялась с городской канализацией.

Молчание длилось секунду.

Этого хватило.

Луиза закрыла глаза.

— Господи боже.

— Раньше, — быстро сказал Джозеф. — Очень давно. Сейчас система изолирована. Старые линии отключили.

— Конечно отключили.

— Там вообще нечего...

— Засыпали?

Теперь Джозеф смотрел на неё уже с явным беспокойством.

— Частично.

Луиза засмеялась.

Не смогла удержаться.

— Простите. Правда. Это не над вами. Это надо мной.

— Я не совсем понимаю.

— Я три месяца пытаюсь придумать хоть что-нибудь, чего до меня не писали тысячу раз.

И приезжаю в дешёвый дом у леса, где проблемы с электричеством, холодные ночи и люк в заброшенную городскую канализацию.

— Это дренаж.

— Ещё лучше. «Это не канализация, мэм. Это дренаж». Так всегда говорят перед тем, как оттуда начинает кто-то дышать.

Джозеф перестал улыбаться.

Луиза заметила это и почему-то решила продолжить.

Возможно, потому что ей наконец стало весело.

— Давайте я угадаю всё остальное. Дом принадлежал вашей семье.

— Нет.

— Уже провал. Хорошо. Тогда вы просто посредник. Но ваш дед...

Джозеф вздрогнул.

Едва заметно.

Вот это было интересно.

— Ваш дед, — повторила Луиза, — был очень уважаемым человеком.

— Мой дед?

— Конечно. Все убийцы в маленьких городах либо изгои, на которых с первой страницы показывают пальцем, либо крайне уважаемые люди. Середины не бывает.

— Луиза...

Теодор позвал её из дома, но она подняла палец, хотя он этого не видел.

— Одну минуту!

Джозеф уже выглядел так, словно хотел уйти внутрь, к Теодору, электрику и вообще любому человеку, способному прекратить этот разговор.

— Итак. Ваш дед был добрым. Помогал соседям. Возможно, работал врачом.

— Он продавал сельскохозяйственную технику.

— Прекрасно. Ещё страшнее. Никто никогда не подозревает продавца сельскохозяйственной техники.

— Он умер двадцать лет назад.

— И тогда убийства прекратились?

Лицо Джозефа изменилось.

Совсем немного.

Если бы Луиза не смотрела прямо на него, могла бы не заметить.

Уголки губ застыли.

Глаза перестали бегать.

На секунду он словно перестал быть мягким, неловким риэлтором и стал просто человеком, которому внезапно напомнили о чём-то очень неприятном.

— Какие убийства?

Вот теперь Луиза улыбнулась по-настоящему.

— А были?

— Везде когда-нибудь кого-нибудь убивали.

— Джозеф.

— Что?

— Это была шутка.

— Я понял.

Нет.

Судя по его лицу, понял он только сейчас.

Или слишком поздно.

Луиза склонила голову.

В её воображении дом наконец начал портиться.

Штукатурка потемнела от дождя.

Окна стали пустыми.

Под яблоней появилась яма, ещё свежая, с влажной землёй по краям.

А за спиной Джозефа возник старик.

Не дед Джозефа. Просто старик, потому что мозгу Луизы требовалась иллюстрация.

Сначала он стоял прямо.

Потом кожа на его лице лопнула вдоль щеки.

Не театрально, одним красивым разрезом, а мелко, влажно, как кожица переспевшего плода. Из трещины показались зубы, слишком далеко уходящие к уху. Нижняя челюсть провисла. Что-то чёрное и густое стекало с языка на воротник.

Луиза почти видела, как в складках его рубашки застряли короткие тёмные волосы.

Не человеческие.

Детские волосы вообще выглядели бы иначе.

Нет.

Слишком дёшево.

Она мысленно стёрла старика.

Вместо него поставила женщину.

Хуже.

Женщина сидела бы под домом в воде по пояс, и вода успела бы размочить её настолько, что кожа на предплечьях собиралась бы белыми мягкими складками. Пальцы распухли, ногти отошли. Из живота торчал бы кусок ржавой арматуры, вокруг которого ткани уже не кровили, а медленно распадались тёмно-красными рыхлыми хлопьями.

Она подняла бы голову.

Один глаз мутный.

Второй уже вытек, оставив блестящую тёмную дорожку до подбородка.

Слишком похоже на всё сразу.

Луиза раздражённо прогнала и женщину.

— У вас тут городская легенда какая-нибудь есть? — спросила она.

Джозеф смотрел на неё не мигая.

— О доме?

— О доме. О тоннелях. О том, почему аренда такая дешёвая. Пропавшие дети. Исчезнувшие туристы. Семья, которая однажды села ужинать и никогда не встала из-за стола.

— Нет.

— Подумайте.

— Ничего такого.

— Тогда придётся придумать.

— Зачем?

Луиза посмотрела на него почти с сожалением.

— Я писатель.

— Да, ваш муж говорил.

— Пишу хорроры.

Джозеф моргнул.

Секунда.

Другая.

— Понятно.

Нет.

Судя по его лицу, только теперь стало понятно хоть что-то.

— Сейчас у меня небольшой творческий кризис, — призналась Луиза. — Поэтому мозг хватает любую гадость и пытается собрать из неё сюжет. Вы не обращайте внимания.

— Конечно.

— Например, сейчас он уже решил, что ваш дед был убийцей.

— Мой дед продавал тракторы.

— Это мы установили. Но потом дед умер, а зло не исчезло, потому что у него был сын.

— У моего деда было трое детей.

— Видите? Уже материал.

Джозеф сжал губы.

— Луиза...

— Хорошо. Не сын. Внук.

Он побледнел.

На этот раз заметно.

Луиза замолчала.

Вот теперь стало не смешно.

Совсем чуть-чуть.

Не из-за слов.

Из-за лица Джозефа.

Человек действительно выглядел так, будто она случайно ткнула пальцем в старый синяк.

— Простите, — сказала Луиза. — Я перегнула.

— Ничего.

— Нет, правда.

— Всё нормально.

— Обычно люди смеются.

— Я просто не очень люблю такие вещи.

— Убийства?

— Кто их любит?

— Вы удивитесь.

Он посмотрел на неё.

— Это тоже шутка?

— В основном.

В доме что-то стукнуло.

Луиза автоматически посмотрела на окно второго этажа.

Пусто.

— Значит, — продолжила она уже мягче, — никаких серийных убийц.

— Нет.

— Никаких прежних жильцов, найденных в стенах.

— Нет.

— Никаких детей, которые иногда стоят ночью возле лестницы.

Джозеф ничего не ответил.

Луиза повернулась к нему.

— Это тоже должно быть «нет», Джозеф.

— Конечно. Нет.

— Хорошо.

Она снова посмотрела на дом.

А мозг услужливо показал ей ребёнка.

Мальчик лет восьми стоял за стеклом крайнего окна.

Лицо было прижато к нему так сильно, что кончик носа побелел. Губ не было. Не зашиты, не отрезаны аккуратно, а словно кто-то долго счищал их тупым краем ножа, пока вокруг зубов не осталось мокрое красное кольцо.

Мальчик открыл рот.

Кожа на щеках растянулась.

Лопнула.

Изнутри полезли тонкие чёрные пальцы.

Луиза моргнула.

Окно было пустым.

— Господи, — пробормотала она.

— Что?

— Ничего. Я себя уже заебала.

Джозеф кашлянул и неловко отвёл взгляд.

Луиза вздохнула.

— Простите за лексику.

— Ничего.

— Вам очень сложно со мной, да?

— Мы знакомы минут пятнадцать.

— И уже устали.

— Я этого не говорил.

— Вот поэтому и устали.

Входная дверь распахнулась.

Первым вышел электрик.

Живой.

Обычный.

Никакой крови.

За ним Теодор.

Тоже, к счастью, с тем же количеством конечностей, с которым вошёл.

Он остановился на крыльце и посмотрел сначала на жену, потом на Джозефа.

— Что случилось?

— Ничего, — быстро сказал Джозеф.

Теодор перевёл взгляд на Луизу.

— Что ты ему рассказала?

— Почему сразу я?

— Потому что он выглядит так, будто только что узнал дату собственной смерти.

Джозеф попытался возразить:

— Нет-нет, всё хорошо.

Электрик посмотрел на него.

Потом на Луизу.

— А чего он белый?

— Спасибо, — сказала Луиза. — Теперь мне ещё хуже.

Теодор спустился с крыльца.

— Лу.

— Я просто спросила про цену.

— И?

— Потом про прежних хозяев.

— И?

— Потом выяснилось, что в подвале есть люк в старую городскую сеть.

Электрик усмехнулся.

— Не в городскую.
— Не помогайте.
— Она отключена уже больше двадцати лет.
Луиза медленно повернулась к нему.
— Больше двадцати?
— Ну да.
Джозеф закрыл глаза.
Теодор сразу это заметил.
— Не продолжай.
— Я молчу.
— Я вижу твоё лицо.
— У меня обычное лицо.
— Нет. Это лицо, с которым ты сейчас построишь ещё одну теорию.
— Мне даже строить ничего не надо. Всё уже построили до меня и закрыли люком.
Электрик хмыкнул.
Теодор вздохнул и обратился к Джозефу:
— Простите её.
— Тео!
— Что?
— Не надо извиняться за меня, как будто я собака, которая укусила почтальона.
— Ты морально укусила риэлтора.
Джозеф поднял обе ладони.
— Правда, ничего страшного.
— Видишь?
— Он риэлтор. Ему по работе положено говорить, что всё нормально, даже если в ванной горит человек.
— В ванной никто не горит, — сказал электрик.
— Спасибо.
Теодор обнял Луизу одной рукой за плечи и повернулся к Джозефу.
— Она пишет ужасы.
— Уже знаю.
— И сейчас у неё...
— Творческий кризис, — договорил Джозеф.
Теодор посмотрел на жену.
— Ты успела рассказать ему и это?
— Мне стало стыдно.
— Значит, всё было совсем плохо.
— Немного.
Джозеф всё ещё выглядел напряжённым.
Теодор улыбнулся ему уже без шутки.
— Она не пытается вас допрашивать. Правда. Просто если Луиза видит закрытую дверь, её первая мысль не «там кладовка», а «там человек четыре дня стоял лицом к стене и ждал, пока кто-нибудь откроет».
— Семь, — сказала Луиза.
— Что?
— Семь дней страшнее.
— Спасибо за уточнение.
Электрик прыснул.
Даже Джозеф наконец улыбнулся нормально.

Напряжение немного отпустило.

— Дом хороший, — продолжил Теодор. — Я всё посмотрел. Тут действительно работы максимум на неделю?

Электрик ответил:

— Если материалы завтра привезут, проводку закончим дня за четыре. С трубой ещё посмотрим, но ничего критичного.

— Отопление?

— Запустим.

— А причина такой цены действительно только в этом? — спросила Луиза.

Теодор бросил на неё предупреждающий взгляд.

— Что? Нормальный вопрос.

Джозеф кивнул.

— В основном. Владельцы не хотят вкладываться в ремонт перед сдачей. Если вы готовы подождать неделю и не возражаете против того, что первое время могут всплывать мелкие проблемы, цена останется такой на весь срок договора.

Теодор посмотрел на Луизу.

Она снова обвела взглядом дом.

Тихий.

Светлый.

Лес.

Большой кабинет наверху.

Камин в гостиной, который она успела увидеть через открытую дверь.

Никаких соседей за стенкой.

И цена, за которую ближе к городу они сняли бы квартиру в два раза меньше.

— Берём, — сказала она.

Джозеф будто не сразу поверил.

— Правда?

— Конечно.

— Даже не посмотрите внутри?

— Посмотрю, когда там перестанет пытаться убить меня электричество.

— Оно никого не пытается убить, — сказал электрик.

Луиза посмотрела на него.

— Вы отвратительно не поддерживаете атмосферу.

Он усмехнулся.

Теодор протянул Джозефу руку.

— Тогда оформляем. Мы эту неделю проживём в отеле.

— Я сегодня же подготовлю договор.

— Отлично.

Пока мужчины обсуждали депозит, сроки и доступ рабочих, Луиза снова посмотрела наверх.

Крайнее окно.

То самое.

Белая занавеска.

Темнота комнаты за ней.

Никого.

Она решила, что действительно увидела отражение.

Это было самым разумным объяснением.

Поэтому почти сразу перестала об этом думать.

Они отъехали от дома минут десять назад.

Теодор вёл одной рукой, второй переключал музыку. За окнами тянулись мокрые после вчерашнего дождя поля, редкие дома и лес.

Луиза сидела боком, поджав одну ногу, и листала фотографии, которые успела сделать снаружи.

Дом получался хорошо.

Даже слишком.

На снимках он выглядел уютнее, чем вживую.

— Ты его напугала, — сказал Теодор.

— Кого?

— Джозефа.

— Я извинилась.

— После того как сообщила человеку, что его дед маньяк.

— Я не сообщила. Я предположила.

— Это сильно меняет дело.

— И вообще потом дед превратился во внука.

Теодор бросил на неё взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Нет, теперь рассказывай.

— Я дошла до версии, что убийца мог быть его родственником.

— Зачем?

— Потому что он странно реагировал.

— Луиза.

— Я знаю.

— Ты приехала в новый город, знакома с человеком пятнадцать минут и уже придумала ему серийного убийцу в семье.

— Вот именно.

Она отложила телефон.

— Это ужасно.

Теодор рассмеялся.

— Я сейчас серьёзно.

— Я тоже.

— Нет. Вот это и есть проблема. У меня всё превращается в одну и ту же херню. Старый дом. Подвал. Тоннели. Семейная тайна. Дети-призраки. Маньяк. Я могу написать это с закрытыми глазами.

— Может, не надо писать с закрытыми.

— Очень смешно.

— Мне понравилось.

Луиза отвернулась к окну.

Несколько секунд молчала.

— Ты наверху был?

— Был.

Она повернула голову.

— Где?

— В спальне и кабинете.

— В какой спальне?

— Там большая комната на лес. Скорее всего, наша, если ты не отожмёшь её под кабинет.

— А комната со стороны двора?

Теодор задумался.

— Какая именно?

— Крайнее правое окно, если стоять лицом к дому.

— Не помню.

— Ты туда заходил?

— Кажется, нет.

Луиза выпрямилась.

— А электрик?

— Он сначала был со мной. Потом мы спустились вниз.

— Всё время?

— Лу.

— Просто ответь.

Теодор снова посмотрел на неё.

На этот раз дольше.

— Почти всё время. А что?

Луиза провела большим пальцем по краю телефона.

— Я видела там человека.

— В окне?

— Да.

— Может, Мерфи всё-таки поднимался.

— Он был в подвале.

— Потом мог подняться.

— Тео.

— Хорошо. Отражение?

Она ничего не ответила.

— Занавеска?

Молчание.

— Птица?

— Огромная человекообразная птица, которая стоит вертикально за стеклом?

— Уже лучше.

Луиза посмотрела на него.

Он улыбался.

Не издевательски.

Так он улыбался всегда, когда замечал, что её мозг наконец начинал что-то жевать после долгого голода.

— Видишь? — сказал Теодор. — Мы ещё даже не заселились, а у тебя уже кто-то стоит в окне.

— Как оригинально.

— Не начинай.

— Муж не верит жене. Она начинает сомневаться в себе. Через две недели мужа находят в стене.

— Почему меня?

— Потому что ты не поверил.

— Несправедливо.

— Хоррор вообще очень морализаторский жанр.

— И кто стоит в окне?

Луиза хотела ответить какой-нибудь гадостью.

Придумать ему длинные пальцы.

Слишком широкую улыбку.

Содранное лицо.

Пусть кожа свисает с подбородка прозрачным мокрым лоскутом, а под ней двигаются мышцы, красные и блестящие, как мясо под плёнкой в холодильнике. Пусть один глаз у него будет человеческий, испуганный, а второй кто-то вставил наоборот, радужкой внутрь черепа, поэтому наружу смотрит только влажный белок, испещрённый лопнувшими сосудами.

Можно ещё сломать шею.

Не просто повернуть голову.

Пусть несколько позвонков выйдут наружу сбоку, раздвинув кожу острыми белыми буграми, а человек продолжит стоять, удерживая голову на натянутых полосах мышц.

Луиза почти увидела его.

Так ясно, что на мгновение ей стало противно.

Она выдохнула через нос.

И стёрла картинку.

— Не знаю, — сказала она.

Теодор пожал плечами.

— Отлично.

— Что отлично?

— Ты впервые за три месяца сказала «не знаю», а не «это всё говно».

Она усмехнулась.

— Может быть, это и есть начало.

— Вот.

— Человек в окне пустого дома.

— Хорошее начало.

— Ужасное.

— Почему?

— Потому что его писали миллион раз.

— Тогда напиши миллион первый.

Луиза снова посмотрела в окно машины.

Дорога уходила вперёд между деревьями.

Дом давно исчез.

Она могла бы согласиться.

Рассмеяться.

Открыть заметки в телефоне и записать первую строчку.

Вместо этого спросила:

— Ты точно не был в той комнате?

Теодор перестал улыбаться.

Всего на секунду.

Потом ответил:

— Точно.

Луиза кивнула.

И больше ничего не сказала.

Потому что отражение она ещё могла принять.

Занавеску тоже.

Собственное воображение тем более.

Она слишком хорошо знала, на что оно способно.

Но оставалось одно небольшое неудобство.

Когда тёмная фигура отошла от окна, занавеска осталась на месте.

А отражения обычно не уходят в глубину комнаты.

Глава 2. Плохой писатель

На третий день в гостинице Луиза убила девочку.

Получилось плохо.

Она перечитала абзац, поморщилась и убила её ещё раз.

Стало хуже.

В первой версии девочка лежала в ванной лицом вниз. Вода давно остыла, кожа на плечах посерела, волосы плавали вокруг головы тёмным ореолом. Героиня подходила ближе, замечала, что пальцы утопленницы цепляются за слив, и в этот момент девочка резко поворачивала голову.

Луиза посмотрела на экран.

Слишком ожидаемо.

Во второй версии девочка сидела в пустой ванне.

Тоже плохо.

В третьей ванной вообще не было.

Девочка стояла за дверью.

Ещё хуже.

Луиза выделила три страницы и нажала Delete.

Белое поле осталось чистым.

Она смотрела на него секунд десять.

Потом написала:

«Когда Анна вошла в ванную, девочка уже ждала её».

Замерла.

Стерла.

Написала:

«Девочка сидела на полу».

Стерла.

«В ванной пахло кровью».

Стерла.

«Она услышала дыхание».

Стерла.

Через двадцать минут документ состоял из названия главы и одного слова:

«Она».

Луиза откинулась на спинку кресла.

— Отлично.

Ноутбук промолчал.

— Прекрасно поработали.

За окном гостиничного номера моросил дождь.

Теодор ушёл вниз за кофе и чем-то съедобным, потому что завтрак Луиза проспала, а обед проигнорировала. На столе лежала раскрытая пачка солёных крекеров, которую она бездумно доедала уже второй день.

Луиза взяла один.

Посмотрела.

Положила обратно.

Даже крекер сейчас выглядел продуктивнее неё.

Она снова уставилась в белый документ.

Когда-то пустая страница возбуждала.

Не в сексуальном смысле, хотя иногда и в нём тоже.

Она была обещанием.
Любая история могла начаться следующим предложением.
Любой человек мог войти в комнату.
Любое тело можно было обнаружить.
Любой звук за стеной мог оказаться чем угодно.
Теперь белое поле воспринималось как насмешка.
Луиза знала все двери, которые могут открыться сами.
Все зеркала, в которых появляется лишний человек.
Все детские голоса из вентиляции.
Все старые фотографии, где кто-то стоит за плечом главного героя.
Все коробки на чердаках.
Все письма без обратного адреса.
Все дома, построенные на кладбищах.
Все семьи, которые никогда не говорят о младшей дочери.
Даже мёртвые матери, возвращавшиеся по ночам расчесать волосы собственным детям, больше не вызывали у неё ничего, кроме профессиональной усталости.
Проблема была не в том, что идеи закончились.
Идей было слишком много.
Все чужие.
И все свои тоже казались чужими.
Она открыла папку с черновиками.
Сто сорок семь файлов.
Часть имела нормальные названия.
«Лес».
«Комната 8».
«Пастор».
«Руки».
Часть выглядела как последствия нервного срыва.
«НОВАЯ НОРМАЛЬНАЯ».
«НОВАЯ НОРМАЛЬНАЯ 2».
«ЭТО ТОЧНО НЕ ГОВНО».
«ЭТО ГОВНО».
«ПОТОМ РАЗОБРАТЬ».
«НЕ УДАЛЯТЬ».
Последний файл был пустым.
Луиза открыла «Руки».
Когда-то идея ей нравилась.
Женщина просыпалась каждую ночь оттого, что кто-то гладил её по волосам.
Она жила одна.
Потом обнаруживала под кроватью несколько человеческих рук.
Не тел.
Только руки.
Они лежали там слоями, одна на другой, сухие, серые, с чёрными ногтями.
По ночам одна из них выбиралась.
Луиза дошла до сцены, где героиня заглядывала под кровать, и закрыла документ.
Нет.
Слишком аккуратно.
Настоящее тело не должно выглядеть так удобно для композиции.
Если человек неделю лежит под кроватью, он не становится эстетичным.

Он течёт.

Пахнет.

Раздувается.

Прилипает.

Представив это, Луиза машинально посмотрела вниз.

Под её гостиничной кроватью была узкая полоска тьмы.

Мозг включился мгновенно.

Сначала там появилась кисть.

Очень бледная.

Не сухая мёртвая рука из её черновика, а влажная, распухшая, с короткими толстыми пальцами.

Ноготь на указательном отсутствовал.

Из-под кожи там, где должен был начинаться ноготь, выступала блестящая красная мякоть.

Рука медленно выползла наружу.

Потом вторая.

Пальцы упёрлись в ковролин.

Кто-то внутри темноты подтягивал себя к свету.

Луиза увидела макушку.

Волосы слиплись от чего-то жирного.

Потом лоб.

На нём не было кожи.

Она словно съехала вниз и собралась над бровями мокрой складкой.

Глаза показались последними.

Один смотрел на Луизу.

Второй висел у щеки на тонкой красной нити и едва покачивался вместе с движением головы.

Существо вытянуло шею.

Позвонки хрустнули.

Рот распахнулся так широко, что кожа у уголков разошлась.

Зубы внутри были человеческими.

Обычными.

И почему-то именно это сделало всё хуже.

Луиза моргнула.

Под кроватью ничего не было.

Она наклонилась и посмотрела ещё раз.

Тёмный ковролин.

Чемодан Теодора.

Один носок.

— Поздравляю, — сказала она себе. — Ты теперь пугаешься носков.

Она выпрямилась.

Через секунду дверь номера открылась.

Луиза вздрогнула так сильно, что задела коленом стол.

— Блядь!

Теодор застыл на пороге с бумажным пакетом в одной руке и двумя стаканами в другой.

— Доброе утро.

— Уже день.

— Тем более.

Он закрыл дверь ногой.

— Кого ты увидела?
— Тебя.
— Очень трогательно.
— Ты появился резко.
— Я открыл дверь ключом.
— Именно так обычно и появляются убийцы.
— Убийцы пользуются карточками от гостиничных номеров?
— Хорошо организованные.
Теодор поставил стаканы на стол.
— Я принёс тебе кофе.
— Тогда ты временно оправдан.
— И сэндвич.
— Полностью оправдан.
Он посмотрел на экран ноутбука.
— Как идёт?
Луиза повернула компьютер к нему.
На экране всё ещё стояло одно слово.
«Она».
Теодор прочитал.
Подождал.
— Сильное начало.
— Я ненавижу тебя.
— Есть интрига. Кто она? Где она? Почему она?
— Заткнись.
— Уже.
Он сел на край кровати и протянул ей кофе.
Луиза взяла стакан обеими руками.
Горячий.
Сладковатый запах.
Слишком много молока, как она любила.
— Там, кстати, звонил Джозеф, — сказал Теодор.
Луиза посмотрела вверх крышки.
— Жив?
— Представь себе.
— Я думала, после нашей встречи он сменит профессию.
— Проводку закончат завтра.
— Быстро.
— Он сказал, что электрик привёз ещё одного человека. С трубой сложнее, но отопление должны запустить послезавтра.
— Значит, через три дня можно въезжать?
— Если ничего нового не сломается.
— Не говори так.
— Почему?
— Это приглашение.
Теодор открыл пакет.
— Кому?
— Вселенной.
— Вселенная не занимается сантехникой.
— Очень самонадеянное заявление.

Он протянул ей сэндвич.
Луиза взяла его, но есть не стала.
— А Джозеф ничего не сказал про окно?
Теодор даже не поднял глаз.
— Нет.
— Ты спрашивал?
— Нет.
— Почему?
— Потому что я не звоню риэлтору и не спрашиваю, не видел ли он человека, которого моя жена могла увидеть, а могла не увидеть.
— Очень длинная формулировка.
— Зато точная.
Луиза поставила сэндвич на стол.
— Я его видела.
Теперь Теодор посмотрел на неё.
— Я знаю.
— Ты говоришь это так, будто...
— Будто что?
— Будто я действительно что-то видела, но это не значит, что там кто-то был.
— Именно.
Она недовольно прищурилась.
— Удобно.
— Луиза, я не говорю, что ты придумала.
— Но допускаешь.
— Конечно.
— Спасибо.
— Ты вчера увидела женщину без лица в автомате со льдом.
— Я увидела отражение.
— Через двадцать секунд после того, как сказала, что отражения имеют геометрию.
— Они имеют.
— Значит, женщина была?
— Нет.
— Тогда я окончательно запутался.
Луиза вздохнула и всё-таки откусила сэндвич.
Теодор улыбнулся.
Это раздражало.
Особенно потому, что он был прав.
Вчера ночью Луиза действительно пошла за льдом.
Автомат стоял в конце коридора напротив большого декоративного зеркала.
Она сунула ведёрко под отверстие, нажала кнопку и увидела в отражении женщину.
Высокую.
Босую.
В белой гостиничной сорочке.
Женщина стояла прямо за Луизой.
Головы у неё не было.
Вернее, голова была, но лицо словно вдавили внутрь.
Кожа от лба до подбородка уходила в глубокую влажную впадину, где что-то медленно шевелилось.
Будто лицо не отрезали, а протолкнули внутрь черепа пальцами.

Луиза резко обернулась.

Никого.

Потом посмотрела в зеркало снова.

И увидела собственную белую футболку, висящую на ручке двери пожарного шкафа.

Складки ткани и металлическая окантовка зеркала сделали остальное.

Она стояла посреди коридора с ведёрком льда и чувствовала себя идиоткой.

Потом рассмеялась.

А потом мысленно добавила женщине зубы внутри лицевой впадины.

Потому что так было лучше.

Вот только ничего из этого не помогало написать книгу.

— Может, тебе вообще не надо сейчас писать? — спросил Теодор.

Луиза подняла голову.

— Что?

— Три дня.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если я перестану писать, я окончательно перестану писать.

— Ты не перестанешь.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

— Откуда?

— Потому что последние восемь лет ты каждый раз говоришь, что больше никогда ничего не напишешь.

— Не каждый раз.

— После второй книги.

— Там была катастрофа.

— После четвёртой.

— Редактор вырезал лучшую сцену.

— После шестой.

— Я была права.

— Разумеется.

Луиза откусила ещё.

— Сейчас другое.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Потому что раньше мне не нравилось то, что я писала. А сейчас мне скучно.

Теодор замолчал.

Вот это он понял.

Луиза знала.

Он всегда отличал её обычное писательское нытьё от настоящей проблемы.

— Я знаю, как напугать человека, — продолжила она. — Технически. Могу посадить героя в темноту. Дать ему звук. Потом ничего не показать. Потом показать не то. Могу заставить что-то двигаться на заднем плане, пока персонаж смотрит в другую сторону. Могу описать тело так, что читателю станет физически неприятно.

— Ты умеешь.

— В этом и проблема.

Она постучала пальцем по крышке кофе.

— Я уже знаю, где читатель испугается.

— И?

— И сама не пугаюсь.

Теодор задумался.

— Тебе обязательно бояться собственной книги?

— Да.

— Почему?

— Потому что иначе я просто механик.

— Ты слишком драматична.

— Я пишу хорроры.

— Справедливо.

Луиза отвернулась к окну.

На стекле собирались дождевые капли.

Одна медленно потекла вниз.

За ней вторая.

На другой стороне улицы женщина в красной куртке тащила ребёнка за руку через парковку.

Мальчик упирался.

Мать что-то говорила.

Обычная жизнь.

— Иногда я думаю, что всё уже придумано, — сказала Луиза.

— Всё и правда уже придумано.

Она повернулась.

— Отличная поддержка.

— Я серьёзно. Любовь тоже придумали до тебя. Люди всё равно пишут любовные романы.

— Потому что люди всё ещё влюбляются.

— Люди всё ещё боятся.

Луиза некоторое время смотрела на него.

— Это подозрительно умно.

— Я иногда читаю.

— Мои книги не считаются.

— Я читаю и другие.

— Предатель.

Теодор улыбнулся.

— Тебе не надо придумать новый страх. Тебе надо придумать, чего боится Луиза Хант.

— Дедлайнов.

— Кроме дедлайнов.

— Потерять волосы.

— Это не книга.

— Почему? Очень телесный хоррор.

— Тогда пиши.

— Женщина просыпается и обнаруживает на подушке волосы.

— Уже страшно.

— Поднимает руку к голове.

— Так.

— А кожа снимается вместе с ними.

Теодор перестал жевать.

Луиза оживилась.

— Представь. Не кусками. Целиком. Она тянет за прядь, а кожа головы медленно отделяется от черепа. Сначала совсем немного. Белая линия. Потом под ней начинает проступать кровь. Волосы ещё держатся, поэтому вся кожа собирается складкой у неё в кулаке...

— Я ем.

— Ты сам предложил.

— Я беру предложение обратно.

Луиза уже видела сцену.

Женщина перед зеркалом.

Пальцы в волосах.

Первый тихий влажный звук, когда кожа отходит от кости.

Не крик.

Сначала недоумение.

Потом боль.

Она пытается отпустить волосы, но пальцы почему-то не разжимаются.

Кожа продолжает сползать.

По виску.

За ухом.

Тонкая красная плёнка натягивается, лопается.

На лбу появляется гладкая белёсая кость.

Глаз начинает закрываться, потому что веко уходит вверх вместе с кожей.

Женщина кричит.

Но чем сильнее дёргается, тем быстрее снимает с себя лицо.

Луиза нахмурилась.

— Нет.

— Что «нет»?

— Слишком много.

— Слава богу.

— В какой-то момент становится смешно.

— Вот именно.

— Хотя глаз хороший.

— Луиза.

— Всё.

Она открыла ноутбук.

Теодор посмотрел на неё с подозрением.

— Ты это записываешь?

— Нет.

— Я вижу.

— Только глаз.

— Мы договорились отдохнуть.

— Ты договорился.

— Ты согласилась.

— Я была в слабом состоянии.

— Двадцать минут назад ты написала одно слово.

— Теперь будет два.

Теодор покачал головой.

Луиза набрала:

«Глаз не закрылся. Веко просто ушло вверх вместе с кожей».

Прочитала.

Стерла.

— Господи.
— Опять плохо?
— Ужасно.
— Мне было противно.
— Противно и страшно не одно и то же.
— Я начинаю подозревать, что ты никогда не будешь довольна.
— Поздравляю. Через одиннадцать лет брака ты приблизился к разгадке.
— Девять.
Луиза медленно подняла глаза.
— Что?
— Мы женаты девять лет.
Она молчала.
Теодор тоже.
— Я знаю.
— Ты сказала одиннадцать.
— Я считала с момента знакомства.
— Нет.
— Да.
— Мы знакомы двенадцать лет.
Луиза прищурилась.
— Это проверка?
— Теперь да.
— Ты ужасный человек.
— Как зовут твоего мужа?
— Джозеф.
Теодор кивнул.
— Тогда я пойду.
Она схватила его за рукав.
— Сядь.
— Я не хочу мешать вашему браку.
— Тео.
Он рассмеялся.
Луиза потянула его к себе и ткнула лбом в плечо.
Несколько секунд они сидели молча.
Потом она сказала:
— Девять лет звучит мало.
— Мне достаточно.
— Мерзавец.
— Я имел в виду, что помню каждый.
— Поздно.
— Могу исправиться.
— Нет.
— Тогда развод.
— Дом сначала сними.
— Практичная женщина.
Луиза закрыла ноутбук.
На этот раз действительно.

К вечеру дождь усилился.

Они вышли поужинать в небольшой ресторан через две улицы от гостиницы, потому что Теодор заявил, что ещё один приём пищи над клавиатурой станет основанием для принудительного лечения.

Луиза не спорила.

Город был небольшим, но не настолько, чтобы его можно было назвать деревней.

Две центральные улицы.

Старая кирпичная ратуша.

Полицейский участок в современном сером здании.

Аптека.

Супермаркет.

Несколько кафе.

Магазин хозяйственных товаров.

На углу продавали цветы.

У кинотеатра висели афиши двух новых фильмов и одного старого, который показывали по четвергам.

Луиза шла под зонтом и оглядывалась.

— Разочарована? — спросил Теодор.

— Очень.

— Что не так?

— Где странные жители?

— В домах.

— Где старуха, которая должна схватить меня за руку и сказать: «Не ходи туда»?

— Возможно, выходной.

— Где хотя бы заправка с таксидермией?

— Мы можем поискать.

— Ты не воспринимаешь проблему всерьёз.

— Какую?

— Этот город совершенно непригоден для хоррора.

Теодор посмотрел на полицейский участок.

У входа двое сотрудников курили под козырьком и обсуждали что-то, смеясь.

— Да, кошмар.

— Вот именно.

— Нормальная полиция. Это разрушит любую твою книгу.

— Катастрофически.

Они дошли до ресторана.

Внутри было тепло, шумно и пахло жареным луком.

Луиза выбрала столик у окна.

Теодор открыл меню.

— Завтра съездим в дом?

— Зачем?

— Проверить ремонт.

— Ты хочешь контролировать электрика?

— Я хочу понимать, когда мы переедем.

— Джозеф позвонит.

— А ты не хочешь посмотреть комнаты?

Луиза задумалась.

На секунду в памяти возникло крайнее окно второго этажа.

Тёмная фигура.

Движение назад.

Она машинально поднесла стакан воды ко рту.

— Хочу.

— Тогда после обеда.

— Хорошо.

— Только не пугай Джозефа.

— Я никого не пугаю.

— Ты сказала человеку, что его родственник убийца.

— В гипотетическом сценарии.

— Это не помогает.

Официантка принесла хлеб.

Луиза отломил кусок.

— Кстати, что за имя такое — Джозеф Виннерс?

— Обычное имя.

— Звучит как человек, который обязательно проигрывает.

— Это было ужасно.

— Я в кризисе.

— Снимает ответственность?

— Полностью.

Теодор улыбнулся.

— Мне он понравился.

— Джозеф?

— Да.

— Он милый.

— Ты говоришь это так, будто собираешься его съесть.

— Нет. Просто он...

Она поискала слово.

— Рохля.

— Луиза.

— Что?

— Нельзя давать людям клички через пятнадцать минут после знакомства.

— Можно.

— Нет.

— Я писатель. Мне положено.

— И почему «Рохля»?

— Потому что он Рохля.

— Железная аргументация.

— Видел, как он извиняется перед воздухом, когда проходит через дверь?

— Нет.

— Потому что ты невнимательный.

— Или потому что ты выдумала.

Луиза показала ему средний палец.

Теодор спокойно продолжил читать меню.

Ночью она снова не спала.

Не из-за дома.

Из-за текста.

Теодор давно уснул, отвернувшись к окну. Его дыхание было ровным и раздражающе спокойным.

Луиза лежала на спине.

Смотрела в потолок.
Закрывала глаза.
Открывала.
На тумбочке светились цифры электронных часов.
2:41.
Потом 2:48.
3:03.
Когда стало 3:17, Луиза тихо засмеялась.
Разумеется.
Три семнадцать.
Идеальное время для появления демона.
Она повернула голову к двери.
Ничего.
— Давай, — прошептала Луиза.
Теодор не пошевелился.
— Я готова.
Тишина.
— Три семнадцать. Твой выход.
Никто не вышел.
— Непрофессионально.
Она закрыла глаза.
В этот момент за стеной что-то ударило.
Один раз.
Луиза открыла глаза.
Ещё удар.
Тихий.
Глухой.
Будто кто-то костяшками пальцев постучал по стене.
Тук.
Пауза.
Тук.
Она приподнялась.
Посмотрела на Теодора.
Он спал.
Ещё один звук.
На этот раз ближе.
Луиза медленно повернула голову к стене.
И увидела, как из неё выходит палец.
Не буквально.
Сначала появилась выпуклость под обоями.
Маленькая.
Размером с ноготь.
Потом она вытянулась.
Обои натянулись.
Под ними проступил сустав.
Второй.
Человеческий палец продавливал стену с другой стороны.
Не прорывал.
Просто входил в комнату, оставаясь под тонким слоем бумаги.

Рядом появился второй.
Третий.
Пять длинных бугров.
Ладонь.
Кто-то прижал руку к обратной стороне стены.
Луиза не двигалась.
Воображение уже знало, что делать.
Пальцы должны были медленно согнуться.
Потом обои лопнут.
Из разрыва покажутся ногти.
Жёлтые.
Толстые.
Под одним застрянет клочок розовой кожи.
Рука полезет дальше, царапая штукатурку изнутри.
За ней протиснется голова.
Череп будет слишком мягким, чтобы пройти через узкое отверстие, поэтому сначала сомнётся висок.
Потом глаз.
Потом зубы.
Лицо сожмётся, как сырое мясо в мясорубке.
Челюсть треснет.
Из рта пойдёт кровь.
Существо всё равно продолжит проталкиваться.
Луиза смотрела на стену.
Никакой руки.
Просто свет от фар проезжающей машины скользнул по фактурным обоям.
Глухой удар повторился.
Из соседнего номера послышался мужской голос:
— Да тихо ты!
Потом женский смех.
Луиза легла обратно.
— Ебанный отель.
Теодор сонно пошевелился.
— Что?
— Ничего.
— Ты опять работаешь?
— Нет.
— Тогда спи.
— Очень полезный совет.
Он протянул руку, не открывая глаз, нашёл её под одеялом и положил ладонь ей на живот.
Через минуту снова уснул.
Луиза лежала неподвижно.
Смотрела в темноту.
Потом очень осторожно потянулась к телефону.
Открыла заметки.
Написала:
«Рука под обоями».
Посмотрела на три слова.
Стерла.

Написала:

«Не стучит. Пытается войти».

Стерла и это.

Телефон погас.

Луиза закрыла глаза.

Она снова подумала о доме.

О тишине.

О кабинете наверху.

О лесе за окном.

О фигуре за стеклом.

Странно, но именно последнее никак не превращалось в сцену.

Она пыталась.

Добавляла лицу черты.

Безглазые впадины.

Рот.

Сломанную шею.

Кровь на стекле.

Ничего не подходило.

Каждая деталь делала образ хуже.

Фальшивее.

Фигура отказывалась становиться монстром.

Она просто стояла у окна.

И отходила назад.

Обычный человек.

Наверное, поэтому Луиза никак не могла перестать о нём думать.

Утром Джозеф позвонил в 9:12.

Теодор разговаривал с ним возле окна, пока Луиза пыталась понять, в каком месте гостиничного номера находится её второй носок.

— Да.

Пауза.

— Отлично.

Пауза.

— Нет, это нормально.

Луиза заглянула под кресло.

Носка там не было.

— Сегодня можем подъехать?

Она замерла.

Теодор посмотрел на неё.

— После двух? Хорошо.

Ещё несколько секунд он слушал.

— Понял. Спасибо, Джозеф.

Он положил телефон.

— Трубу нашли.

— Где?

— В котельной.

— Очень смешно.

— Трещина в соединении. Нужно заменить участок.

— А электричество?

— Почти готово.
— Значит, сегодня едем.
— Да.
Луиза выпрямилась.
— Нашёлся?
Теодор нахмурился.
— Кто?
— Носок.
— Откуда мне знать?
— Ты смотришь на меня так, будто у тебя есть информация.
— Я смотрю на тебя так, потому что он у тебя на ноге.
Луиза опустила глаза.
Один носок действительно был на правой ноге.
Она несколько секунд молчала.
— Я имела в виду второй.
— Конечно.
— Не начинай.
Теодор улыбнулся и пошёл в ванную.
Луиза осталась посреди комнаты.
Потом снова посмотрела на свою ногу.
— Это ничего не значит, — сказала она.
Из ванной донеслось:
— Что?
— Ничего!
Она нашла второй носок под кроватью.
Рядом с чемоданом Теодора.
Там, где вчера её воображение положило человека с вывалившимся глазом.
Луиза вытащила носок двумя пальцами.
На секунду снова увидела бледную руку.
Распухшие пальцы.
Красное мясо вместо ногтя.
Потом только собственную кисть.
Она надела носок.
Закрыла ноутбук.
Через несколько часов они должны были снова увидеть дом.
И впервые за долгое время Луизе хотелось не придумать, что произойдёт дальше.
А узнать.

Глава 3. Заселение

Через три дня дом был тёплым.

Это немного испортило его.

Луиза стояла посреди гостиной, стянув с головы капюшон, и слушала, как где-то в стенах негромко шуршит вода.

— Ну всё, — сказал Теодор за её спиной. — Теперь вообще не страшно.

— Не преувеличивай. Здесь всё ещё есть подвал.

Он поставил на пол две коробки.

— И рабочее отопление.

— Многие люди прекрасно умирают при рабочем отоплении.

— Спасибо. Сразу легче.

Луиза провела ладонью по спинке дивана, который прежние хозяева оставили вместе с большей частью мебели.

Пыль не поднялась.

Дом успели вымыть.

Проводку заменили там, где она действительно представляла опасность, свет больше не мигал, котёл гудел ровно, вода шла без ржавчины, а Джозеф во время их последнего визита почти двадцать минут объяснял Теодору, какие именно трубы всё ещё могут капризничать.

Луиза тогда ждала чего-нибудь.

Не обязательно страшного.

Хотя бы неловкого.

Джозеф мог внезапно спросить, не видела ли она больше людей в окнах.

Или попросить не открывать какую-нибудь дверь.

Или хотя бы снова побледнеть при слове «подвал».

Но он был деловит, вежлив и мучительно нормален.

Даже слишком нормален для человека, которого Луиза уже успела мысленно поселить в нескольких вариантах плохого романа.

К концу осмотра ей стало неловко за саму себя.

Почти.

— Я всё равно не понимаю, почему они оставили столько мебели, — сказала она.

Теодор открыл коробку с посудой.

— Потому что владельцам она не нужна.

— Очень удобно.

— Луиза.

— Я просто говорю.

— Нет. Ты начинаешь.

— Что именно?

— Через минуту выяснится, что шкаф нельзя двигать, потому что за ним дверь.

Луиза посмотрела на высокий шкаф у стены.

— Теперь я хочу его отодвинуть.

— Нет.

— Ты сам виноват.

— Нет.

— Поздно.

Теодор вытащил из коробки две кружки.

— Сначала распакуй хотя бы вещи.

— Я распаковываю.

— Ты стоишь.
— Я морально распаковываю.
— Это не считается.
В прихожей снова хлопнула дверь.
Луиза обернулась.
Никого.
Дверь медленно отошла от косяка на несколько сантиметров.
Она посмотрела на неё.
Потом на Теодора.
— Сквозняк, — сказал он.
— Я ничего не сказала.
— Ты посмотрела.
— И?
— Я знаю этот взгляд.
— Какой?
— Сейчас дверь откроется шире, и там будет женщина.
Луиза задумалась.
— Нет.
— Уже прогресс.
— Мужчина.
— Почему?
— Женщина слишком очевидно.
Теодор вздохнул.
Луиза снова посмотрела на дверь.
Теперь мужчина действительно появился.
Высокий.
Голый.
Совершенно неподвижный.
Он стоял за дверью боком, будто не помещался в проёме целиком.
Кожа на туловище была натянута неправильно: слишком плотно на рёбрах и слишком свободно на животе, где собиралась складками, как на плохо надетом костюме.
Левая рука свисала почти до пола.
Не длинная сама по себе.
Просто плечевая кость была выдернута из сустава и ушла вниз под кожей, растянув её в узкий мешок. На месте плеча торчала круглая впадина.
Мужчина медленно повернул голову.
У него не было нижней части лица.
От носа кожа обрывалась рваным краем. Нижняя челюсть отсутствовала полностью.
Язык, слишком длинный и тёмный, лежал на груди и дрожал при каждом вдохе.
Он сделал шаг.
Луиза моргнула.
За дверью стояла швабра.
На ручке висела серая тряпка.
— Мужчина, — повторила она.
Теодор оглянулся.
— Где?
— Уже умер.
— Быстро.
— Я экономлю время.

Теодор покачал головой и продолжил разбирать коробку.

Луиза подошла к двери и толкнула её.

Та снова плавно вернулась назад.

Пол был чуть неровным.

— Сквозняк ни при чём, — сказала она.

— Поздравляю.

— Пол кривой.

— Ещё страшнее.

Она поставила под дверь стоппер.

Мужчина без челюсти больше не появился.

К вечеру дом начал принадлежать им.

Не юридически.

Юридически он принадлежал совершенно другим людям, которых Луиза никогда не видела.

Но пространство постепенно менялось.

На кухонной столешнице появились их чашки.

На диване плед Теодора.

В ванной зубные щётки.

На лестнице коробка, которую оба уже трижды переступили, потому что никто не хотел относить её наверх.

Чемоданы заняли спальню.

Книги Луизы — половину кабинета.

Ноутбук встал на широкий деревянный стол возле окна.

Комната действительно выходила на лес.

Это Луизе понравилось больше всего.

Перед окном не было ничего, кроме травы, деревьев и серого осеннего неба.

Ни прохожих.

Ни машин.

Ни окон напротив.

Ни чужой жизни, которую можно было использовать как уважительную причину ничего не писать.

Она села за стол.

Теодор вошёл следом с коробкой книг.

— Тяжёлая.

— Там книги.

— Я догадался.

Он поставил коробку на пол.

— Ты точно хочешь кабинет здесь?

— Да.

— А комната на другую сторону больше.

Луиза подняла глаза.

— Та самая?

— Какая?

— С окном.

Теодор посмотрел на неё.

— Все комнаты обычно с окнами.

— Ты прекрасно понял.

— Та, где тебе привиделся человек?

- Не привиделся.
- Хорошо. Та, где ты видела человека.
- Вот.
- Она свободная.
- Знаю.
- Можешь взять её.
- Не хочу.
- Боишься?

Луиза медленно повернулась к нему на кресле.

- Ты сейчас серьёзно решил меня взять на «слабо»?
- Нет.
- Потому что если да, через пять минут мой кабинет будет там.
- Тогда не хочу.
- Поздно.

Она встала.

Теодор загородил ей дверь.

- Лу.
- Отойди.
- Это была шутка.
- Ты поставил под сомнение мою психическую устойчивость.
- Я сказал «боишься».
- Именно.
- Ты действительно боишься?

Луиза замолчала.

Потом посмотрела через его плечо в коридор.

Комната находилась на другом конце второго этажа.

Дверь была открыта.

Внутри темно.

Окно выходило на двор.

То самое окно.

Если в тот день там действительно стоял человек, он находился примерно в трёх метрах от двери, которую Луиза сейчас видела.

И ничего страшного в этом не было.

Рабочий.

Электрик.

Джозеф.

Отражение.

Ошибка.

Десятки нормальных объяснений.

- Нет, — сказала она.
 - Тогда почему не хочешь туда?
 - Потому что здесь лес.
- Теодор посмотрел на окно.
- Логично.
 - А ещё там шкаф ужасный.
 - Тоже логично.
 - И вообще эта комната напоминает детскую.
 - Почему?
 - Обои.

— Они бежевые.
— Вот именно.
— Ты ненавидишь бежевый?
— В детских — да. Никогда ничем хорошим не заканчивается.
Теодор улыбнулся.
— Оставайся здесь.
— Планировала.
Он поцеловал её в макушку и вышел.
Луиза включила ноутбук.
Открыла новый документ.
Несколько секунд смотрела на курсор.
Он мигал.
Ждал.
Она написала:
«Дом выглядел нормальным».
Остановилась.
Прочитала.
Стерла.
Написала:
«Человек в окне исчез прежде, чем она успела разглядеть его лицо».
Снова остановилась.
Уже лучше.
Чуть-чуть.
Она добавила:
«Но занавеска не шевельнулась».
Прочитала обе строки.
Не стерла.
Это было почти достижением.
На первом этаже что-то упало.
Луиза замерла.
— Тео?
— Я жив! — донеслось снизу.
Она расслабилась.
— Что разбил?
— Ничего!
Пауза.
— Пока!
Луиза улыбнулась.
Пальцы снова легли на клавиатуру.
«Она решила...»
Из коридора донёсся тихий скрип.
Луиза перестала печатать.
Дом был старым.
Дерево работало.
Трубы нагревались.
Мебель оседала.
Стены иногда издавали звуки просто потому, что стены были стенами.
Она знала.
Скрип повторился.

Длиннее.
Будто кто-то очень медленно перенёс вес с одной ноги на другую.
Луиза посмотрела на открытую дверь кабинета.
Коридор был пуст.
— Нет, — сказала она вслух.
Курсор продолжал мигать.
— Даже не начинай.
Скрип.
На этот раз ближе.
Мозг уже работал.
Конечно.
Сейчас из-за угла покажется голова.
Но не сверху.
Снизу.
Человек будет ползти.
Нет, не человек.
Слишком просто.
Пусть сначала покажутся пальцы.
Четыре.
Нет.
Шесть.
Тонкие, серые, с суставами там, где суставов не должно быть.
Они обхватят угол стены.
Потом из-за него медленно выдвинется лицо.
Не череп.
Хуже.
Лицо должно быть слишком мягким.
Как будто кости внутри вытащили, а кожу набили мокрой ватой.
Щёки провиснут до ключиц.
Нос сложится набок.
Глаза останутся на месте только потому, что веки ещё держат их в неглубоких впадинах.
Существо поползёт по коридору без ног, подтягивая себя руками.
Живот будет волочиться по полу и оставлять за собой широкую мокрую полосу.
Где-то внутри него будут перекатываться кости.
Чужие.
Маленькие.
Луиза нахмурилась.
Последнее ей не понравилось.
Слишком нарочито.
Она вычеркнула мысленную сцену.
Из-за угла никого не вышло.
Зато через секунду появился Теодор с рулоном мусорных пакетов.
— Ты с кем разговариваешь?
— С домом.
Он остановился.
— Уже?
— Он первый начал.
— Что сказал?
— Скрипнул.

— Хам.
— Именно.
Теодор подошёл к окну.
— Красиво.
— Угу.
— Написала что-нибудь?
Луиза захлопнула ноутбук.
— Нет.
— Значит, написала.
— Не лезь.
— Не лезу.
Он действительно не полез.
За это Луиза его и любила.
В основном.

К десяти вечера они распаковали примерно половину вещей и окончательно потеряли желание распаковывать вторую.

Ужинали на полу перед диваном, потому что коробка с салфетками стала временным журнальным столиком, а нормальный стол был завален.

— Это романтично, — сказал Теодор.
Луиза посмотрела на лапшу в картонной коробке.
— Очень.
— Первый ужин в новом доме.
— Мы едим еду из коробки на другой коробке.
— Зато камин.

Камин действительно горел.

Электрик проверил его ещё во время ремонта, а Джозеф отдельно предупредил, какие заслонки нужно открывать.

Огонь потрескивал.
Снаружи давно стемнело.
Лес исчез.
В окнах теперь отражалась гостиная.
Луиза видела себя.
Теодора.
Огонь.
Лампу.
Проём в коридор.
Она старалась туда не смотреть.
Не потому, что боялась.
Просто знала, что произойдёт.
Мозг воспользуется отражением.
Поставит кого-нибудь у неё за спиной.
Она посмотрит.
Никого.
Это уже даже не пугало.
Скорее раздражало.
— Что? — спросил Теодор.
— Ничего.
— Ты пялишься в окно.

— На себя.
— Нарциссизм.
— Профессиональное наблюдение.
— За собой?
— Я сложный персонаж.
Он протянул ей кусочек курицы из своей коробки.
Она съела.
— Завтра надо купить продукты, — сказал Теодор.
— Надо.
— И лампочки.
— Зачем?
— В коридоре наверху одна тусклая.
— Оставь.
— Почему?
— Атмосфера.
— Нет.
— Ты уничтожаешь всё прекрасное.
— Я хочу видеть лестницу ночью.
— Именно поэтому ты слаб.
Теодор рассмеялся.
Потом они минут десять обсуждали совершенно нормальные вещи.
Продукты.
Интернет.
Куда поставить вторую машину, если к ним кто-нибудь приедет.
Нужно ли покупать ещё дрова.
Кто завтра первым идёт в душ.
Луиза постепенно расслабилась.
Ей нравился дом.
Это было неприятно признавать.
Она ожидала чего-то более театрального.
Чувства чужого присутствия.
Неловкости.
Хотя бы запаха старости.
Но дом был просто домом.
Тёплым.
Чистым.
Большим.
И очень тихим.
Возможно, даже слишком.
— Ты слышишь? — спросила она.
Теодор перестал жевать.
— Что?
— Ничего.
— Очень содержательно.
— Именно. Здесь вообще ничего не слышно.
Он прислушался.
— Камин.
— Кроме него.
— Ветер.

— Где?

Теодор пожал плечами.

— Где-то.

— Вот.

— Что «вот»?

— В городе всегда есть фон. Машины, люди, трубы, соседи, лифт. А здесь...

Она замолчала.

Огонь щёлкнул.

В стене тихо прошла вода.

— Ничего, — закончила Луиза.

— Тебе же этого хотелось.

— Хотелось.

— Тогда наслаждайся.

Она кивнула.

Через окно ей показалось, что в темноте кто-то стоит.

Луиза не повернула головы.

— Нет.

— Что?

— Ничего.

Она продолжила есть.

Краем зрения фигура оставалась на месте.

Высокая.

Очень тонкая.

Слишком близко к стеклу.

Луиза знала этот приём.

Периферическое зрение дорисовывало формы хуже прямого.

Достаточно посмотреть, и чудовище превратится в дерево, столб или собственное отражение.

Она специально не смотрела ещё несколько секунд.

Пусть постоит.

Фигура вытянулась.

Голова медленно наклонилась.

Луиза уже видела, как кожа на шее собирается гармошкой, а рот раскрывается вертикально, разделяя лицо от подбородка до переносицы.

Внутри вместо языка лежит что-то похожее на маленькую человеческую кисть.

Пальцы шевелятся.

Она повернула голову.

За окном была яблоня.

— Какая неожиданность, — пробормотала Луиза.

— Что?

— Яблоня.

— Всё ещё там?

— К сожалению.

Теодор уснул первым.

Не просто уснул.

Предал.

В одиннадцать сорок семь он заявил, что «полежит пять минут», лёг на свою сторону кровати и через три минуты дышал так ровно, будто весь день не таскал коробки, а тренировался спать профессионально.

Луиза лежала рядом с телефоном.

Не читала.

Не писала.

Смотрела на потолок.

Спальня была достаточно большой, чтобы темнота в дальних углах становилась отдельным предметом интерьера.

Из окна падал слабый свет.

Шторы они ещё не повесили.

Ветви деревьев двигались по потолку длинными тенями.

Луиза следила за ними.

Одна ветка постепенно превратилась в руку.

Пять длинных пальцев поползли по потолку.

Потом кисть согнулась.

Тень начала опускаться по стене.

Луиза перевернулась на бок.

— Иди нахер.

Тень осталась тенью.

Через несколько минут ей захотелось воды.

Она не встала.

Не потому, что боялась.

Просто не хотела.

Через пять минут захотелось сильнее.

— Отлично.

Теодор не проснулся.

Луиза осторожно выбралась из кровати.

Пол был холоднее, чем она ожидала.

Она нащупала тапки.

Один.

Второго не было.

Конечно.

— Очень смешно.

Нашла его под кроватью.

Никаких рук.

Никаких лиц.

Никаких глаз на красных нитях.

Немного разочаровывающе.

Луиза вышла в коридор.

Тусклая лампочка действительно раздражала.

Свет делал лестницу жёлтой и глубокой.

Она дошла до первой ступеньки.

Снизу было темно.

Выключатель находился внизу.

— Гениально.

Луиза включила фонарик на телефоне.

Луч прошёл по стене.

Картины прежних хозяев сняли, но на обоях остались светлые прямоугольники.

Лестница.
Перила.
Коридор внизу.
Ничего.
Она спустилась.
На предпоследней ступеньке что-то коснулось её голой щиколотки.
Луиза дёрнулась.
Фонарик качнулся.
На секунду внизу мелькнуло белое лицо.
Она отшатнулась, едва не упав.
Телефон ударился о перила.
Луч света вернулся.
Перед лестницей лежала лента упаковочной плёнки.
Она шевелилась от воздуха.
— Блядь.
Луиза наклонилась, подняла её и скомкала.
Сердце колотилось.
Не сильно.
Но достаточно, чтобы ей стало обидно.
— Вот это было низко.
Она бросила плёнку в коробку с мусором.
Пошла на кухню.
Открыла холодильник.
Свет ударил по глазам.
Взяла бутылку воды.
Закрыла дверцу.
За ней стояла женщина.
На этот раз Луиза даже не вздрогнула.
— Нет.
Женщина продолжала стоять.
Её лицо было разрезано пополам от макушки до подбородка.
Не ровно.
Череп словно раскололи тяжёлым тупым предметом, и половины съехали относительно друг друга.
Левый глаз находился выше правого.
Нос разошёлся двумя влажными обломками.
Между половинами лица тянулась узкая щель, заполненная тёмной кровью и пузырящейся слюной.
Женщина улыбнулась.
Обе половины рта сделали это с небольшой задержкой.
Луиза смотрела.
— Слишком сложно, — сказала она.
Женщина исчезла.
На её месте висело полотенце.
Луиза сделала несколько глотков прямо из бутылки.
— И улыбка дерьмо.
Дом молчал.
Она закрыла холодильник окончательно.
По пути обратно Луиза решила проверить входную дверь.

Заперта.
Окна тоже.
Всё нормально.
Она уже собиралась подниматься, когда заметила движение во дворе.
Не в отражении.
За стеклом.
Луиза остановилась.
На этот раз мозг не успел ничего придумать.
У края участка стояли два мальчика.
Она приблизилась к окну.
Дети находились там, где коротко подстриженный газон переходил в высокую влажную траву.
Один чуть выше другого.
Оба в тёмной одежде.
Из-за расстояния лиц было почти не разглядеть.
Луиза нахмурилась.
Посмотрела на часы на телефоне.
00:26.
— Какого хрена...
Мальчики не двигались.
Она подошла почти вплотную к стеклу.
Младший стоял чуть впереди.
Лет восемь или девять.
Рядом второй, примерно того же возраста или чуть старше.
Не держались за руки.
Не разговаривали.
Просто смотрели на дом.
Луиза постучала костяшками по стеклу.
Никакой реакции.
— Эй.
Разумеется, они её не слышали.
Она оглянулась на лестницу.
Можно было разбудить Теодора.
Глупо.
Два ребёнка во дворе.
Возможно, соседские.
Хотя соседские дети в половине первого ночи среди леса были отдельным вопросом.
Луиза снова посмотрела наружу.
Мальчики стояли ближе.
Она застыла.
Нет.
Не ближе.
Просто показалось.
Наверное.
Газон был плохо виден в темноте, расстояние оценивалось паршиво.
Один из мальчиков поднял голову.
Теперь Луиза увидела лицо.
Обычное.
Бледное.

Тёмные волосы прилипли ко лбу.
Никакой крови.
Никаких вырванных зубов.
Никаких чёрных пальцев во рту.
Просто ребёнок.
Почему-то это оказалось неприятнее.
Луиза открыла защёлку окна.
Подумала.
Закрыла обратно.
Нет.
Она не собиралась ночью кричать незнакомым детям из окна в незнакомом городе.
Телефон был в руке.
Она открыла камеру.
Навела.
Экран на секунду засветил двор.
Фокус долго искал тёмные фигуры.
Луиза коснулась экрана пальцем.
Изображение стало резче.
Мальчиков не было.
Она опустила телефон.
Пусто.
Трава.
Край леса.
Ни движения.
Луиза ещё несколько секунд стояла у окна.
Потом посмотрела налево.
Направо.
Никого.
— Хорошо.
Собственный голос прозвучал слишком громко.
Она снова посмотрела на экран камеры.
На снимке, который успела случайно сделать, был только тёмный двор.
Увеличила.
Зерно.
Трава.
Деревья.
Ничего похожего на детей.
Луиза закрыла фотографию.
В голове уже рождалось объяснение.
Отражение.
Нет.
Она видела их за стеклом.
Тени кустов.
Тоже не очень похоже.
Усталость.
Самое удобное.
Она весь день таскала вещи, плохо спала последние несколько ночей и профессионально тренировала мозг находить человека там, где висит полотенце.
Конечно, ей могли показаться дети.

Особенно после разговора с Джозефом про убийства и её собственной дурацкой реплики про детей возле лестницы.

Логично.

Луиза ещё раз проверила дверь.

Заперта.

Поднялась наверх.

Теодор лежал точно так же, как она его оставила.

Она тихо легла рядом.

Через секунду он, не просыпаясь, придвинулся ближе и положил руку ей на талию.

Луиза закрыла глаза.

Перед ними сразу появились два мальчика.

Без монстров.

Без крови.

Без повреждений.

Просто стоящие у края участка.

Она открыла глаза.

— Нет, — прошептала Луиза.

Теодор сонно пробормотал что-то неразборчивое.

— Спи.

Он послушался.

Луиза ещё долго смотрела в потолок.

А потом всё-таки начала мысленно портить мальчиков.

Первому разрезала рот.

Второму выкрутила шею.

Одному сняла кожу с пальцев.

Другому разбила затылок так, чтобы волосы слиплись от крови и кусочков чего-то серого, мягкого, похожего на размокший хлеб.

Так было привычнее.

Так они становились её.

Так их можно было не бояться.

Через некоторое время Луиза уснула.

За окном никого не было.

По крайней мере, когда она смотрела.

Глава 4. Два мальчика

Утром мальчики выглядели глупостью.

Не загадкой.

Не предчувствием.

Не чем-то, о чём стоило рассказывать Теодору до кофе.

Просто глупостью.

Луиза поняла это почти сразу после пробуждения, когда увидела за окном тот самый двор при нормальном дневном свете.

Никакой бесконечной чёрной пустоты.

Никакой стены леса, которая ночью казалась слишком близкой к дому.

Газон.

Высокая трава за ним.

Несколько кустов.

Старая яблоня.

За участком начиналась узкая полоса деревьев, но даже сквозь неё просвечивало серое небо.

Место, где ночью стояли дети, находилось метрах в двадцати от окна.

Может, в двадцати пяти.

На таком расстоянии она едва могла нормально различить лица даже днём.

А ночью, через стекло, без наружного освещения?

Луиза лежала на животе, подперев подбородок ладонью, и смотрела во двор.

Чем дольше смотрела, тем меньше верила самой себе.

Теодор спал рядом, уткнувшись лицом в подушку.

Луиза повернула голову.

— Тео.

Никакой реакции.

— Тео.

Он втянул воздух носом.

— М-м.

— Здесь поблизости дети есть?

— Что?

— Дети.

— У нас?

— Господи, надеюсь, нет.

Теодор приоткрыл один глаз.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— У соседей.

— Не знаю.

Глаз снова закрылся.

— Ты вообще видел соседей?

— Луиза.

— Что?

— Сейчас восемь утра.

Она взяла телефон с тумбочки.

8:43.

— Почти девять.

— Это всё ещё восемь.

— Такая принципиальность по утрам очень непривлекательна.
— Разводись.
— После кофе.
Теодор перевернулся на другой бок.
Луиза снова посмотрела в окно.
Если дети действительно приходили сюда ночью, должны были откуда-то прийти.
Дом стоял не посреди леса.
До ближайшего соседнего участка было далеко, но не настолько, чтобы девятилетний ребёнок физически не смог дойти.
С другой стороны, полпервого ночи.
Два ребёнка.
Без фонариков.
Без взрослых.
Стоят в мокрой траве и смотрят на чужой дом.
Нет.
Так нормальные дети себя не вели.
Зато так вели себя дети, которых придумала Луиза Хант.
Она села на кровати.
— Кажется, я вчера видела двух мальчиков.
Теодор открыл глаза.
На этот раз оба.
— Где?
— Во дворе.
— Когда?
— Ночью.
Он несколько секунд просто смотрел на неё.
— И ты решила рассказать мне об этом утром?
— Они ничего не делали.
— А должны были?
— Не знаю. Поджечь дом.
— Луиза.
— Я не была уверена, что они вообще там были.
Теодор сел.
Сон ушёл с его лица быстрее, чем ей хотелось.
— В смысле?
— В прямом. Я посмотрела в окно, увидела двух детей возле травы. Пока достала телефон, их уже не было.
— Ты выходила?
— Нет.
— Почему?
— Потому что я не идиотка.
Он отбросил одеяло.
— Если два ребёнка ночью стоят возле леса, нормальная реакция...
— Именно поэтому я и не вышла. Представь заголовок: «Писательница хорроров погибла, решив проверить странных детей у леса». Я бы сама отказалась читать настолько тупую книгу.
Теодор натянул футболку.
— Я серьёзно.
— Я тоже.

— Надо было меня разбудить.

— Чтобы что?

— Хотя бы чтобы я тоже посмотрел.

Луиза пожала плечами.

— Когда я решила, что стоит тебя разбудить, их уже не было.

Он подошёл к окну.

Посмотрел туда, куда она показывала.

— Там?

— Примерно.

— Может, соседские.

— Вот я и спрашиваю.

— Узнаем.

— Как?

Теодор посмотрел на неё.

— Познакомимся с людьми?

Луиза скривилась.

— Жуткая идея.

— Иногда люди разговаривают друг с другом.

— Я слышала.

— Есть даже целые социальные ритуалы.

— Это уже фантастика.

Он улыбнулся и ушёл в ванную.

Луиза осталась на кровати.

Через несколько секунд из-за закрытой двери донеслось:

— И больше не решай одна, что ночные дети не заслуживают моего внимания!

— Они не были особенно страшными!

— Это не аргумент!

— Для меня аргумент!

Включилась вода.

Луиза улыбнулась.

Потом снова посмотрела во двор.

Мальчиков не было.

Первый сосед оказался мёртв.

По крайней мере, так Луиза решила, когда Теодор постучал в дверь небольшого одноэтажного дома примерно в четырёхстах метрах от их участка, а изнутри никто не ответил.

— Всё, — сказала она. — Началось.

Теодор постучал ещё раз.

— Человек может быть на работе.

— Или лежать лицом вниз в гостиной.

— Или на работе.

— С выколотыми глазами.

— На работе?

— Нет. Дома.

— Тогда формулируй точнее.

Луиза отошла от крыльца и заглянула в окно.

Шторы были раздвинуты.

Внутри стоял диван.

Журнальный столик.

Телевизор.

На подоконнике три горшка с растениями.

Ни одного тела.

— Разочарована? — спросил Теодор.

— Немного.

— Ты ужасный человек.

— Это профессиональное.

Они пошли дальше.

Следующий дом находился ещё метров через двести.

Здесь на участке стоял старый синий пикап, а на крыльце лежала огромная рыжая собака.

Когда супруги подошли к калитке, собака подняла голову.

Луиза остановилась.

— Нет.

— Что?

— Я не пойду.

— Боишься собак?

— Этой конкретно да.

Собака была размером с небольшой диван.

Она посмотрела на Луизу.

Потом зевнула.

Зубы выглядели вполне убедительно.

— Она старая, — сказал Теодор.

— Это не отменяет наличия челюстей.

Из дома вышла женщина лет шестидесяти с короткими седыми волосами.

— Бакстер, не пугай людей.

Собака тяжело положила голову обратно на лапы.

— Он не кусается.

Луиза посмотрела на Теодора.

— Вот теперь точно укусит.

Женщина рассмеялась.

— Вы в дом Картеров въехали?

Теодор кивнул.

— Вчера.

— Тогда добро пожаловать. Я Мэри.

Они представились.

Через две минуты Луиза уже знала, что хозяева их дома действительно переехали к дочери, котёл у Картеров всегда был «проклятой дрянью», прошлой зимой на дороге повалило три дерева и Джозеф Виннерс однажды два часа простоял под дождём, потому что умудрился захлопнуть ключи в собственной машине.

Последнее особенно понравилось Луизе.

— Похоже на него.

— Знаете Джозефа?

— Он сдавал нам дом.

— Хороший человек.

Луиза переглянулась с Теодором.

— Я и не спору.

Мэри почесала Бакстера за ухом.

— Правда, немного...

Она замялась.

Луиза оживилась.

— Рохля?

Теодор закрыл глаза.

Мэри рассмеялась.

— Ну, я хотела сказать «мягкий».

— Это добрый вариант.

— Луиза, — предупредил Теодор.

— Что? Я его люблю.

— Вы знакомы меньше недели.

— Мне хватает.

Мэри явно решила, что им будет весело жить по соседству.

— У вас дети есть? — спросила Луиза.

Вопрос прозвучал настолько резко, что женщина удивилась.

— Нет. Мои давно выросли. Сын живёт в Окленде, дочь в Бостоне.

— А поблизости?

— Дети?

— Да. Мальчики лет восьми-десяти.

Мэри задумалась.

— У Хендерсонов внуки иногда приезжают. Но они живут дальше по дороге.

— Два мальчика?

— Девочка и мальчик. Хотя девочке уже лет двенадцать.

Луиза кивнула.

— А почему спрашиваете?

Теодор ответил раньше неё:

— Вчера ночью Луизе показалось, что она видела детей возле дома.

— Не показалось.

Он повернулся к ней.

— Хорошо. Она видела детей.

Мэри перестала гладить собаку.

— Ночью?

— Около половины первого.

Женщина нахмурилась.

Вот теперь Луиза ждала.

Старые убийства.

Местная легенда.

Трагически погибшие дети.

Хотя бы выражение лица человека, который знает что-то, чего не должен знать приезжий.

Но Мэри сказала:

— Чьи же это были?

Луиза чуть не вздохнула от разочарования.

— Вот и я не знаю.

— Может, подростки?

— Маленькие.

— Точно?

Луиза посмотрела в сторону своего дома.

Отсюда его почти не было видно за деревьями.

— Мне так показалось.

— Странно.

Мэри снова почесала собаку.

— Я бы сказала Джозефу. Он знает всех в округе.

— Не надо, — быстро ответила Луиза.

Теодор посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что я уже убедила этого человека, что его семья состоит из серийных убийц. Теперь ещё скажу, что ночью вижу детей на участке. Он начнёт показывать наш договор психиатру.

Мэри рассмеялась.

Теодор нет.

— Если ещё раз увидишь, будишь меня.

— Да.

— Сразу.

— Да, папа.

— Лу.

— Я поняла.

Они попрощались и пошли обратно.

Бакстер проводил их ленивым взглядом.

Когда дом Мэри остался позади, Теодор сказал:

— Нормальная женщина.

— Подозрительно.

— У тебя все подозрительные.

— Собака точно что-то скрывает.

— Сон.

— Или человеческую кость.

— Луиза.

— Шучу.

Она выдержала пару шагов.

— Но если Бакстер завтра принесёт бедренную кость...

— Я оставлю тебя здесь одну.

— Не оставишь.

— Почему?

— Ты слишком меня любишь.

Теодор ничего не ответил.

Только взял её за руку.

Днём Луиза работала.

Вернее, делала всё, что внешне было неотличимо от работы.

Сидела за столом.

Печатала.

Стирала.

Ходила на кухню.

Возвращалась.

Перечитывала два абзаца.

Открывала браузер.

Закрывала.

Снова открывала.

В какой-то момент обнаружила, что уже семь минут читает статью о том, почему кошки иногда спят с открытыми глазами.

Кошки у них не было.

— Всё очень плохо, — сообщила она пустому кабинету.
Кабинет согласился молчанием.
Теодор уехал в город за продуктами и каким-то кабелем, который забыл купить вчера.
Луиза осталась одна.
Ей это нравилось.
В квартире одиночество никогда не было полным.
Кто-нибудь ходил сверху.
Хлопала дверь лифта.
За окном сигналили.
Здесь, когда Теодор уехал, дом словно увеличился.
Тишина заняла освобождённое место.
Луиза посмотрела на экран.
Три предложения.
За два часа.
Она прочитала первое:
«Мальчик стоял возле двери и смотрел на неё».
Стерла.
Нет.
Мальчики.
Она знала, откуда они взялись.
Ночной двор.
Воображение уже пыталось присвоить увиденное и превратить в материал.
Именно так оно всегда работало.
Случайная фраза в магазине.
Человек в автобусе.
Странный запах.
Чужая ссора.
Потом через месяц Луиза уже не помнила, где увидела исходную деталь, и была совершенно уверена, что всё придумала сама.
Она написала:
«Дети никогда не стучали в дверь».
Остановилась.
Это было чуть лучше.
«Они просто ждали снаружи, пока кто-нибудь заметит их».
Нет.
Слишком очевидно.
Луиза потянулась к клавише Delete.
В коридоре что-то прошуршало.
Она остановилась.
Тишина.
— Мышь, — сказала Луиза.
И сама себе не поверила.
Не потому, что звук был особенно страшным.
Потому что мыши обычно не ходили по коридору на втором этаже, шаркая чем-то тяжёлым по деревянному полу.
Шурх.
Пауза.
Шурх.
Луиза встала.

Нет.
Сначала дописать.
Хотя бы предложение.
«Они просто ждали снаружи, пока кто-нибудь...»
Шурх.
Она закрыла ноутбук.
— Ладно.
Коридор был пуст.
Луиза вышла.
Звук прекратился.
Она прошла к спальне.
Ничего.
Заглянула в ванную.
Ничего.
Осталась только комната со стороны двора.
Дверь была приоткрыта.
Луиза смотрела на неё несколько секунд.
— Конечно.
Она толкнула дверь.
Комната была пустой.
Бежевые обои.
Старая кровать без белья.
Шкаф, который Луиза уже успела возненавидеть.
Пара коробок, оставленных рабочими у стены.
Окно.
Никакого человека.
Она вошла.
Шурх.
Луиза резко повернулась.
Звук исходил от шкафа.
— Да ладно.
Она подошла.
Если сейчас оттуда выпрыгнет крыса, Теодор никогда не узнает, как именно она умерла.
Луиза взялась за ручку.
Открыла дверцу.
Внутри висел старый чехол для одежды.
Пустой.
Снизу лежала сложенная простыня.
В углу стояла картонная коробка.
Шурх.
Луиза посмотрела вверх.
По деревянной задней стенке шкафа полз большой паук.
— Ты?
Паук остановился.
— У тебя отвратительная походка.
Он продолжил свой путь.
Луиза закрыла шкаф.
Развернулась.
На кровати сидела женщина.

Луиза замерла.

Пожалуй, ей было лет тридцать.

Хотя определить возраст мешало то, что кожа на голове была снята полностью.

Не только лицо.

Вся.

От линии шеи вверх.

Череп блестел влажным белым куполом. Там, где раньше проходили щёки, открытые мышцы дёргались тонкими красными волокнами. Нос отсутствовал, но два отверстия в центре лица судорожно втягивали воздух.

Глаза сохранились.

И это было хуже всего.

Они не висели.

Не были залиты кровью.

Не смотрели в разные стороны.

Обычные карие человеческие глаза.

Очень испуганные.

Женщина смотрела на Луизу так, будто сама не понимала, что с ней сделали.

Потом подняла руки.

Кожа на ладонях была целой.

Она осторожно прикоснулась пальцами к открытому виску.

Отдёрнула руку.

На кончиках пальцев осталась кровь.

Женщина посмотрела на неё.

Потом на Луизу.

Рот без губ задрожал.

— Помоги.

Голос прозвучал влажно.

Слишком тихо.

Луиза почувствовала, как по спине прошёл холодок.

Вот.

Вот это было лучше.

Не потому, что страшнее.

Потому что она не кричала.

Не бросалась.

Не улыбалась.

Просто не понимала, что произошло с её лицом.

Луиза мысленно приблизилась.

Нужно добавить мелочи.

На кости оставить тонкие островки соединительной ткани.

Одно ухо не снять до конца, пусть оно висит сбоку на узкой полоске кожи.

Нет.

Слишком декоративно.

Лучше вообще без ушей.

И кровь не должна течь фонтаном.

К тому моменту, когда она сядет на кровать, большая часть уже свернётся.

Она будет густой.

Тёмной.

На шее начнут образовываться липкие сгустки.

Луиза моргнула.

Кровать была пустой.
— Уже лучше, — сказала она.
Села на край.
Достала телефон.
Открыла заметки.
Написала:
«Женщина без кожи не понимает, что с ней произошло. Боится больше того, кто её видит».
Задумалась.
Исправила:
«Человек без лица не должен знать, что у него нет лица».
Ей понравилось.
Не сильно.
Но достаточно, чтобы не удалить сразу.
Она подняла глаза.
Из окна открывался вид на двор.
Тот самый.
Теперь Луиза могла точно определить место, где стояли мальчики.
Чуть левее яблони.
У самой высокой травы.
Она подошла ближе к стеклу.
Снизу всё выглядело иначе.
Расстояние оказалось больше, чем ей казалось ночью.
Она действительно не могла видеть лица нормально.
Только общую форму.
Рост.
Одежду.
Но ведь она помнила лицо младшего.
Бледное.
Мокрые волосы.
Обычное.
Луиза нахмурилась.
Мозг дорисовал.
Вот и всё.
Она увидела два силуэта и достроила остальное.
Вопрос закрыт.
Во дворе что-то шевельнулось.
Луиза сразу напряглась.
Не ребёнок.
Птица вылетела из травы и скрылась между деревьями.
— Отлично.
Она уже собиралась отвернуться, когда заметила их.
Два мальчика стояли у яблони.
Днём.
Луиза не шелохнулась.
Теперь их было видно хорошо.
Один действительно был младше.
Невысокий, худой, в тёмной куртке, которая казалась ему великоватой. Волосы почти чёрные.

Второй стоял чуть позади.

Светлее.

Выше.

Одежда тоже тёмная, какая-то старомодная на вид, хотя Луиза не могла понять почему.

Ни один не смотрел на дом.

Они смотрели куда-то в сторону леса.

Луиза быстро открыла окно.

Холодный воздух ворвался в комнату.

— Эй!

Мальчики одновременно повернули головы.

Луиза почувствовала неприятный укол под рёбрами.

Не страх.

Пока нет.

— Вы откуда?

Они молчали.

— Вы вчера сюда приходили?

Ни один не ответил.

— Я вас спрашиваю.

Младший посмотрел на второго.

Тот ничего не сделал.

Луиза опёрлась ладонями о подоконник.

— Вы заблудились?

Младший снова посмотрел на лес.

— Чёрт.

Она оттолкнулась от окна.

До входной двери было секунд двадцать, если не навернуться на лестнице.

Луиза выбежала из комнаты.

Спустилась.

По пути задела коробку ногой.

— Блядь!

Не остановилась.

Открыла дверь.

Холод ударил в лицо.

Она вышла на крыльцо.

— Эй!

Мальчиков у яблони не было.

Луиза остановилась.

— Да вы издеваетесь.

Пошла через двор.

Трава после ночного дождя всё ещё была влажной.

Кроссовки почти сразу промокли.

До яблони она дошла секунд за пятнадцать.

Никого.

— Мальчики!

Тишина.

Луиза повернулась к лесу.

Если они побежали туда, она должна была услышать.

Ветки.

Трава.

Шаги.
Хоть что-нибудь.
Но вокруг было тихо.
Она достала телефон.
Камеру включила ещё на ходу, сама не заметив этого.
Записи не было.
Только открытый видеоискатель.
— Отлично.
Луиза огляделась.
Справа от яблони земля была мягкой.
На ней виднелись следы.
Она присела.
Не человеческие.
Лапы.
Наверное, Бакстер или какая-нибудь другая собака.
Луиза провела пальцем над одним отпечатком, не касаясь грязи.
Потом выпрямилась.
— Хорошо.
Дети могли убежать.
Двадцать секунд.
Достаточно.
В лесу легко скрыться.
Это было нормальное объяснение.
Даже если они стояли здесь ночью.
Даже если снова пришли днём.
Дети иногда делали странные вещи.
Особенно дети, живущие в скучных местах.
Возможно, они заметили новых жильцов и теперь глазели.
Обычное любопытство.
Луиза повернулась к дому.
Из окна второго этажа на неё смотрела женщина без кожи.
На этот раз образ возник мгновенно.
Она стояла за стеклом, прижав к нему обе ладони.
Кровь с головы стекала по шее на белую ночную рубашку.
Губ не было, но мышцы вокруг рта растянулись.
Она что-то кричала.
Беззвучно.
Луиза смотрела на неё.
Женщина ударила ладонью по стеклу.
Раз.
Второй.
Третий.
Потом её пальцы вдруг согнулись в обратную сторону.
Один за другим.
Кости прорвали кожу у суставов и вышли наружу маленькими белыми остриями.
Она продолжала бить.
Стекло пачкалось кровью.
Луиза прищурилась.
— Нет.

Женщина исчезла.
Окно осталось пустым.
Луиза сунула руки в карманы.
— С пальцами было лишнее.
И пошла обратно.

— Почему у тебя мокрые ноги?
Теодор стоял в кухне с двумя пакетами продуктов.
Луиза сняла кроссовки.
— Гуляла.
— В носках?
— Это случилось непреднамеренно.
Он посмотрел на мокрые следы на полу.
— Куда?
— До яблони.
Теодор перестал разбирать пакет.
— Зачем?

Луиза вздохнула.
— Они опять приходили.
— Кто?
— Мальчики.

Пауза.
— Те же?
— Видимо.
— Ты уверена?
— Сегодня я видела их днём.

Теодор выпрямился.
— Где?
— У яблони.
— И?

— Я открыла окно. Позвала их. Они ничего не ответили. Потом я спустилась, а их уже не было.

— Куда они ушли?
— Если бы я знала, эта часть разговора была бы значительно интереснее.

Теодор несколько секунд молчал.

— Ты их сфотографировала?

Луиза скривилась.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я решила поговорить с детьми, а не вести фотофиксацию паранормального явления.

— Я не сказал «паранормального».

— Но подумал.

— Не подумал.

— Лжец.

Он достал телефон.

— Кому ты звонишь?

— Джозефу.

— Нет.

— Почему?

— Тео.

— Луиза, если два незнакомых ребёнка второй раз приходят на наш участок, я хочу знать, чьи они.

— Давай спросим Мэри.

— Мэри не знает.

— Тогда ещё кого-нибудь.

— Или человека, который продаёт и сдаёт половину домов вокруг и знает всех.

— Он решит, что я сумасшедшая.

— Я скажу, что видел их я.

Луиза посмотрела на него.

— Но ты их не видел.

— Джозефу от этого хуже не станет.

— Не хочу.

Теодор опустил телефон.

— Почему на самом деле?

Она села на стул.

— Не знаю.

— Отличный ответ.

— Мне просто не хочется опять втягивать его в какую-то херню.

— Это не херня.

— Пока херня.

— Дети ночью во дворе...

— А сегодня днём.

— Тем более.

Луиза потерла лоб.

— Я не знаю, были ли это те же дети.

Теодор нахмурился.

— Ты только что сказала...

— Я знаю, что сказала. Но ночью я видела их плохо. Сегодня видела нормально. Я просто решила, что те же.

— Похожи?

— Да.

— Тогда...

— Тео, мой мозг два часа назад посадил на кровать женщину без кожи. Я не могу предъявить ему как доказательство фразу «мне кажется, мальчики были похожи».

Он замолчал.

— Женщину без кожи?

— Неважно.

— Где?

— В комнате.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

Луиза уставилась на него.

— Она была настоящая.

— Ты уверена?

Он произнёс это совершенно серьёзно.

Луиза рассмеялась.

— Пошёл ты.

Теодор улыбнулся.

— Сама напросилась.
— У неё не было кожи на голове.
— Не хочу знать.
— Глаза были на месте.
— Лу.
— Очень удачная деталь, между прочим.
— Прекрати.
— Ты спросил.
— Я не спрашивал деталей.
— А потом пальцы...
— Всё.
Луиза довольно замолчала.
Теодор вернулся к пакетам.
Через минуту поставил на стол упаковку кофе.
— В любом случае, если увидишь детей ещё раз...
— Разбужу тебя.
— Даже днём?
— Если ты спишь днём, у нас другие проблемы.
— Позовёшь меня.
— Позову.
— И не побежишь одна в лес.
— Я не бежала в лес.
— Но подумала.
Луиза открыла рот.
Закрыла.
— Немного.
— Вот.
— Я бы не пошла далеко.
— Конечно.
— Метров десять.
— Луиза.
— Пять.
Он посмотрел на неё.
— Ладно. Не пошла бы.
— Спасибо.
— Наверное.
Теодор бросил в неё кухонным полотенцем.

Вечером мальчики не появились.
Луиза несколько раз проверяла.
Сначала случайно.
Потом уже специально.
В восемь вышла на крыльцо с кофе.
В девять посмотрела из кухни.
В десять поднялась в комнату со стороны двора якобы за зарядкой, хотя зарядка лежала в спальне.
Никого.
Ей стало легче.
И одновременно немного досадно.

Это раздражало сильнее всего.

Часть её хотела, чтобы дети оказались соседскими.

Чтобы завтра они пришли снова, Теодор вышел, поймал их и через пять минут выяснил, что один живёт за поворотом, второй приехал к нему на выходные, а ночью они сбежали из дома смотреть на новых жильцов.

Глупо.

Обыденно.

Закрыто.

Но другая часть хотела увидеть их ещё раз.

Не ради страха.

Ради подтверждения.

Луиза ненавидела не знать, подвело её собственное восприятие или нет.

В одиннадцать она закрыла ноутбук.

Сегодня получилось почти две страницы.

Не хорошо.

Но хотя бы не отвратительно.

Теодор уже был в душе.

Луиза подошла к окну кабинета.

Лес с этой стороны выглядел совсем чёрным.

Она коснулась пальцами стекла.

Холодное.

В отражении стояла она сама.

За ней стол.

Кресло.

Открытая дверь.

И кто-то в коридоре.

Луиза увидела фигуру и устало выдохнула.

— Даже не пытайся.

Она не обернулась.

В отражении человек оставался за её спиной.

Высокий.

Слишком тонкий.

Голова чуть наклонена.

Лица не видно.

— Сегодня уже была женщина без кожи.

Фигура не двигалась.

Луиза смотрела на неё через стекло.

— И она была лучше.

Тишина.

Из ванной в другом конце этажа шумела вода.

Теодор.

Всё нормально.

Луиза решила добавить фигуре лицо.

Не получалось.

Чёрный провал.

Тогда рот.

Никак.

Глаза.

Нет.

Образ почему-то сопротивлялся.
Как тот человек в окне в первый день.
Просто стоял.
Луиза почувствовала, как холод от стекла переходит в кончики пальцев.
Она медленно повернула голову.
Коридор был пуст.
— Вот и всё.
Снова посмотрела в окно.
Только собственное отражение.
В этот момент во дворе мелькнуло что-то светлое.
Луиза резко приблизилась к стеклу.
У яблони никого.
У травы тоже.
Она стала водить взглядом дальше.
Лес.
Кусты.
Край участка.
И увидела мальчиков.
На этот раз они стояли почти у самого дома.
Метров в шести от окна первого этажа.
Луиза перестала дышать.
Не потому, что они были страшными.
Наоборот.
Они выглядели совершенно нормально.
Два ребёнка.
Тёмная одежда.
Бледные лица.
Младший смотрел вверх.
Прямо на неё.
С такого расстояния Луиза уже могла различить глаза.
Тёмные.
Большие.
Не пустые.
Не залитые кровью.
Не мёртвые.
Просто глаза мальчика.
Второй стоял рядом и смотрел не на Луизу.
Он смотрел на дверь дома.
Младший поднял руку.
Луиза замерла.
Он не помахал.
Не указал на неё.
Приложил палец к губам.
Тихо.
И в ту же секунду шум воды в ванной прекратился.
Луиза вздрогнула.
Из коридора донёсся голос Теодора:
— Лу?
Она обернулась.

— Да?
— Ты где?
— В кабинете.
— Нашла зарядку?
Луиза посмотрела на стол.
Зарядка лежала там.
Она сама принесла её сюда утром.
— Да.
— Ты десять минут её ищешь.
— Задумалась.
— Писатели.
Его шаги удалились в сторону спальни.
Луиза снова повернулась к окну.
Двор был пуст.
Она стояла неподвижно.
Минута.
Может, меньше.
Потом положила ладонь на холодное стекло.
Там, где только что стояли дети, шевелилась высокая трава.
Ветер.
Наверное.
Луиза посмотрела на своё отражение.
— Нет.
На этот раз прозвучало не раздражённо.
Почти просительно.
Потому что палец у губ она не придумала.
Во всяком случае, ей очень хотелось в это верить.

Глава 5. Подвал

К десяти утра вода на втором этаже решила, что полноценная струя переоценена.

Луиза обнаружила это, когда попыталась смыть шампунь.

Сначала вода стала тонкой.

Потом очень тонкой.

Потом из душевой лейки начало капать с той оскорбительной размеренностью, с какой обычно капает вода в кино, когда герой уже понял, что заперт в подвале вместе с расчленённой семьёй, но зритель ещё нет.

Луиза стояла под этими тремя каплями с закрытыми глазами.

— Теодор.

Из спальни:

— Что?

— У нас умерла вода.

— Совсем?

Луиза посмотрела на лейку.

Кап.

Кап.

Кап.

— Она агонизирует.

Через несколько секунд дверь ванной открылась.

Теодор просунул голову внутрь.

— Я позвоню Джозефу.

— Сначала полотенце.

Он посмотрел на неё.

На пену в волосах.

Снова на неё.

— Красиво.

— Уйди.

— Это новый образ?

— Тео.

Он рассмеялся и исчез.

Полотенце прилетело через щель в двери секунд через десять.

К тому времени, когда Луиза вышла из ванной, обмотав голову вторым полотенцем, Теодор уже говорил по телефону.

— Да. На кухне нормально.

Он посмотрел на Луизу.

— Наверху почти нет.

Пауза.

— Нет, вчера было нормально.

Ещё пауза.

— Хорошо. Спасибо.

Он сбросил вызов.

— Приедет.

— Рохля?

— Джозеф.

— Для друзей Рохля.

— Вы не друзья.

— Он вчера разрешил мне звонить в любое время.
— По поводу дома.
— Все отношения начинаются с формальных поводов.
Теодор посмотрел на полотенце у неё на голове.
— Ты точно не планируешь роман с риэлтором?
— Нет. Он бы извинялся в процессе.
— За что?
— За всё.

Теодор хмыкнул и вернулся к кофе.
Луиза села напротив.
На столе между ними лежал её блокнот.
Открытый.
На странице были записаны четыре строки:

Два мальчика.

Не боятся дома.

Не зовут.

Младший показывает молчать.

Последнюю фразу Луиза перечеркнула.
Потом написала над ней:

Мне показалось, что показывает молчать.

И тоже перечеркнула.

— Ты всё-таки записала, — сказал Теодор.
Она подняла глаза.
— Что?
— Мальчиков.
— Я записываю всё.
— Даже то, чего, по твоим словам, могло не быть?
— Особенно это.

Он сел напротив.

— Почему?

Луиза закрыла блокнот.
— Потому что память отвратительный свидетель.
— А бумага хороший?
— Бумага хотя бы не меняет показания через неделю.
— Если писатель потом не перепишет.
— Тогда это уже умышленная фальсификация.

Теодор улыбнулся.

Луиза потянулась к его чашке.

Он отодвинул её.

— У тебя своя.
— У тебя вкуснее.
— Они из одной кофеварки.
— У тебя психологически вкуснее.
— Это не аргумент.
— Это буквально аргумент.

Она всё-таки забрала чашку.

Теодор позволил.

Последние дни он делал это часто: позволял ей выигрывать маленькие бессмысленные войны, прекрасно понимая, что Луиза замечает.

И Луиза замечала.

Она вообще замечала почти всё.

Не всегда правильно понимала, но замечала.

Именно это иногда делало её хорошим писателем.

И довольно утомительным человеком.

— Ты жалеешь, что мы сюда приехали? — спросил Теодор.

Вопрос прозвучал буднично, но Луиза сразу посмотрела на него внимательнее.

— Нет.

— Даже с учётом воды?

— Ради творческого возрождения я готова пережить слабый напор.

— Я не про воду.

Конечно.

Она провела пальцем по краю чашки.

— Из-за мальчиков?

— Из-за всего.

— Прошло четыре дня.

— Поэтому и спрашиваю сейчас, а не через месяц.

Луиза откинулась на спинку стула.

— Я хотела сюда.

— Знаю.

— Я всё ещё хочу здесь быть.

— Хорошо.

— Тео, мы приехали не потому, что я решила отдохнуть от работы.

— Я знаю.

— Я приехала работать.

— Я знаю.

— Нет, ты сейчас смотришь на меня так, будто думаешь, не стоило ли вместо дома отвезти меня на море.

— На море ты бы три недели жаловалась на песок в ноутбуке.

— Верно.

— Поэтому нет.

Он забрал у неё свою чашку.

— Я просто хочу понимать, что это всё ещё помогает.

Луиза посмотрела на блокнот.

Четыре дня назад она могла полчаса смотреть на пустую страницу и чувствовать только раздражение.

Теперь у неё были женщина без кожи, рука под обоями, человек в окне, двое детей в траве и совершенно бесполезная, но живая злость на то, что ничего из этого пока не складывалось в историю.

Это было лучше.

Намного.

— Помогает, — сказала она.

Теодор кивнул.

Не спросил, сколько страниц написано.

За это Луиза была ему благодарна.

Другой человек обязательно спросил бы.

Ну что, вдохновение вернулось?

Сколько написала?

Есть сюжет?

Как будто вдохновение можно взвесить и записать в таблицу.
Теодор спрашивал только, хочется ли ей снова писать.
И сейчас хотелось.
Даже слишком.

Джозеф приехал через сорок минут.
Один.

Луиза увидела его машину из кухни и невольно улыбнулась.

— Что? — спросил Теодор.

— Он опять в этом кардигане.

— Возможно, у него несколько одинаковых.

— Это сделает его ещё тревожнее.

— Почему?

— Человек, добровольно купивший четыре одинаковых коричневых кардигана, способен на многое.

— Например?

— Не знаю. На бухгалтерию.

Теодор рассмеялся.

Луиза пошла открывать.

Джозеф стоял на крыльце с небольшим ящиком инструментов.

Кардиган действительно был коричневым.

Возможно, даже тем же.

— Доброе утро.

— Доброе. Сантехника потеряли?

— У него аварийный вызов. Я сначала сам посмотрю. Если что-то серьёзное, он придет позже.

Луиза отступила, пропуская его.

— Вы умеете чинить трубы?

— Некоторые.

— Вы всё больше раскрываетесь.

Джозеф застыл в прихожей.

— В каком смысле?

— В хорошем.

— Это не успокаивает.

— Вот. Вы уже научились.

Теодор появился из кухни.

— Не обращай внимания.

— Я стараюсь, — сказал Джозеф.

— Получается всё лучше.

Луиза закрыла дверь.

— Когда-нибудь вы начнёте отвечать мне.

— Боюсь, именно этого вы и добиваетесь.

Она посмотрела на него чуть внимательнее.

— А вот это уже почти остроумно.

Джозеф неожиданно улыбнулся.

Не натянуто.

Нормально.

— Давление только наверху?

— Да, — сказал Теодор. — На кухне всё хорошо.

— Тогда, скорее всего, старый клапан.
— Где он?
— В подвале.
Луиза подняла палец.
— Даже говорить ничего не буду.
Теодор повернулся к ней.
— Ты идёшь с нами, да?
— Разумеется.
— Я даже не спрашивал.
— Зато развиваешься.

В подвале было холоднее, чем наверху.
Не значительно.
На несколько градусов.
Но здесь тепло дома словно заканчивалось у последней ступеньки.
Луиза спускалась за мужчинами и чувствовала, как воздух становится влажнее.
Пахло металлом.
Сырой штукатуркой.
Камнем.
И землёй.
Именно землёй.
Не плесенью, не канализацией, не застоявшейся водой.
Этот запах Луиза знала хорошо.
Так пахла почва, если копнуть глубже верхнего сухого слоя.
Влажная.
Тяжёлая.
Холодная.
Она остановилась на последней ступени.
— Здесь пахнет так, будто кто-то недавно копал.
Теодор оглянулся.
— Началось.
— Нет. Правда.
Джозеф принюхался.
— Здесь всегда так пахнет.
— Почему?
— Старый фундамент. Земля за стенами влажная.
Луиза кивнула.
Объяснение было нормальным.
Поэтому она его приняла.
Пока.
Джозеф прошёл к трубам.
Теодор присел рядом.
Луиза осталась стоять.
Подвал был большим.
Гораздо больше, чем ей показалось при первом взгляде.
Не потому, что пространство действительно простиралось куда-то далеко. Просто оно было неудобно разделено: толстые опоры, старая деревянная перегородка, полки, выступы фундамента. Несколько участков скрывались друг за другом.
Глаз не мог охватить всё помещение сразу.

Это делало место полезным.

Луиза уже мысленно расставляла людей.

Если герой стоит у лестницы, то не видит пространство за перегородкой.

Если поставить там кого-то, достаточно показать читателю только ботинок.

Нет.

Лучше пальцы.

Тоже банально.

След мокрой ступни.

Ещё хуже.

Она прошла вдоль полок.

Старая краска.

Инструменты.

Куски кабеля.

Какие-то банки.

Красное пластиковое ведёрко.

Луиза подняла его.

— У прежних хозяев были дети?

— Внуки, — отозвался Джозеф, не оборачиваясь. — Иногда приезжали.

— Сколько?

Теодор посмотрел на неё.

— Зачем тебе?

— Проверяю, насколько быстро предмет получит зловещую биографию.

— И?

Луиза поставила ведро обратно.

— Не получит. Внуки всё испортили.

Джозеф тихо рассмеялся.

Луиза пошла дальше.

И увидела люк.

В прошлый раз она разглядела его мельком.

Сейчас подошла ближе.

Квадратная металлическая крышка была утоплена почти вровень с бетонным полом. Примерно метр на метр. Может, немного больше.

По краям бетон выглядел новее остального пола.

Сам люк тоже был не древним.

Тёмный металл.

Массивная ручка в углублении.

Четыре крепления по углам.

— Значит, вот он.

За спиной стало тихо.

Луиза обернулась.

Джозеф смотрел на неё.

— Я просто смотрю.

— Хорошо.

— Вы произнесли это так, будто я уже держу лом.

— Я вас немного знаю.

— Четыре дня.

— Иногда достаточно.

Теодор выпрямился.

— Он открывается?

— Да.
— Тяжёлый?
— Достаточно.
Луиза присела.
Провела пальцем по краю металла.
Холодный.
— Зачем такой тяжёлый?
— Чтобы случайно не открыть.
Она подняла голову.
— Что значит «случайно открыть» люк в полу?
Джозеф задумался.
— Хорошо. Неудачно выразился.
— Очень.
— Чтобы его не открывали без необходимости.
— Это уже интереснее.
— Луиза.
Теодор произнёс её имя спокойно.
Не предупреждая.
Скорее напоминая: не дави.
Она услышала.
Отступила на полтона.
— Хорошо. Практический вопрос. Что под ним?
— Старый технический канал.
— Который раньше соединялся с городской системой?
— Да.
— А сейчас?
— Отрезан.
— Насколько?
Джозеф нахмурился.
— Что значит «насколько»?
— Если я туда спущусь и пойду прямо, через сколько метров упрусь в бетон?
Теодор посмотрел на неё.
— Ты никуда не спустишься.
— Теоретически.
— Теоретически тоже.
— Ты сейчас запретил мне воображаемое действие?
— Да.
— Авторитарный брак.
— Переживёшь.
Джозеф перевёл взгляд с одного на другую.
— Я не знаю точного расстояния.
Луиза снова посмотрела на люк.
— Вы там были?
— Нет.
— Никогда?
— Нет.
— Почему?
— Зачем?
Она задумалась.

— Хороший ответ.

Это действительно был хороший ответ.

Обычному человеку совершенно не требовалось лезть в тёмный дренажный канал под чужим домом.

Луиза считала это убедительным.

Именно поэтому захотела открыть люк ещё сильнее.

— Опасно? — спросил Теодор.

— Может быть.

— Что там?

Джозеф начал перечислять, загибая пальцы:

— Старые конструкции. Вода. Обвалы. Плохая вентиляция. Возможно, местами очень низкий потолок. Я не знаю, в каком состоянии всё осталось после работ.

— Газ? — спросил Теодор.

— Теоретически возможно скопление.

— Значит, без специалистов туда точно не лезем.

— Именно.

Луиза посмотрела на мужа.

— «Мы»?

— Особенно ты.

— Ты ранишь меня недоверием.

— Я видел, как ты полезла на крышу отеля в Глазго, потому что тебе понадобилось узнать, насколько скользкий шифер под дождём.

Джозеф повернулся к ней.

— Зачем?

— Для сцены.

— Она написала два предложения, — сказал Теодор.

— Они были хорошими.

— Ты чуть не сломала ногу.

— Но не сломала.

— Это удивительным образом не помогает.

Джозеф посмотрел на люк.

Потом снова на Луизу.

— Тогда особенно прошу: не открывайте.

Она склонила голову.

— Вы сейчас сделали его примерно в восемь раз привлекательнее.

— Я уже понял.

Теодор подошёл к Луизе и легко коснулся её плеча.

— Он не говорит «там страшная тайна». Он говорит «там можно задохнуться».

— Это менее интересно.

— Зато эффективнее.

— Не спорю.

Она встала.

Джозеф вернулся к трубе.

Луиза отошла к стене.

Несколько секунд просто смотрела на люк.

Под ним не было ничего.

Пока.

Но воображение уже спускалось.

Сначала металлическая лестница.

Ржавая.
Скользкая.
Потом бетонный проход.
Низкий потолок.
Вода по щиколотку.
Луч фонаря.
Луиза мысленно повела его вдоль стены.
Граффити?
Нет.
Слишком ожидаемо.
Кровь?
Нет.
Царапины?
Господи.
Она раздражённо убрала всё.
Пустой тоннель.
Так лучше.
Просто мокрый бетон и чёрная вода.
Шаг.
Ещё.
Ещё.
А потом в луч попадает детский ботинок.
Один.
Маленький.
Тёмный.
Шнурок развязан.
На носке засохла грязь.
Луиза задержала образ.
Ничего больше.
Ни ноги.
Ни крови.
Ни тела.
Только ботинок.
Вот это уже работало.
Потому что мозг сам начинал спрашивать, почему ребёнок ушёл отсюда без обуви.
Если вообще ушёл.
— Что там? — спросил Теодор.
Луиза моргнула.
Он смотрел на неё через подвал.
— Где?
— У тебя.
Он показал пальцем на её лоб.
— По лицу вижу.
— Ботинок.
— Какой?
— Детский.
Джозеф уронил ключ.
Металл ударился о бетон.
Звон получился резким.

Все трое замолчали.
Луиза медленно повернула голову к нему.
Джозеф нагнулся за инструментом слишком быстро.
— Скользкий, — сказал он.
Луиза посмотрела на его руки.
Не на лицо.
Пальцы дрожали.
Совсем немного.
Но дрожали.
— Джозеф.
— Да?
— Вы испугались.
— Нет.
— Вы уронили ключ.
— Люди иногда роняют вещи.
— Конечно.
Луиза сделала пару шагов к нему.
Теодор не остановил.
Он тоже смотрел.
— Я сказала «детский ботинок».
— Я слышал.
— И вы уронили инструмент.
— Совпало.
— Может быть.
Джозеф поднялся.
Луиза не отводила глаз.
У риэлтора был один неприятный для лжеца недостаток.
Его лицо почти не умело скрывать то, что происходило внутри.
Он мог подобрать правильные слова.
Интонацию.
Даже улыбку.
Но тело всё равно говорило раньше.
Сейчас он держал ключ слишком крепко.
Большой палец несколько раз прошёлся по металлической рукоятке.
— Почему именно это? — спросила Луиза.
— Что?
— Вас зацепило.
— Ничего меня не зацепило.
— Джозеф.
— Луиза, — вмешался Теодор.
Она обернулась.
В его голосе не было раздражения.
Только просьба.
Не превращай человека в персонажа прямо сейчас.
Луиза выдохнула.
— Хорошо.
Отступила.
— Простите.
Джозеф кивнул.

— Ничего.
— Но я не ошиблась.
Он посмотрел на неё.
Луиза улыбнулась едва заметно.
— Можете не отвечать.
Несколько секунд Джозеф молчал.
Потом неожиданно сказал:
— Здесь когда-то пропадали дети.
Теодор перестал улыбаться.
Луиза тоже.
Она не спросила сразу.
Именно потому, что хотела спросить слишком многое.
Вместо этого дала фразе повиснуть.
Джозеф, кажется, пожалел о ней ещё до того, как закончил.
Луиза видела это.
— Когда? — спросил Теодор.
— Давно.
— Насколько давно?
— Больше двадцати лет назад.
Луиза перевела взгляд на люк.
— В то время, когда закрывали тоннели?
Джозеф провёл ладонью по лицу.
— Я не говорил, что одно связано с другим.
— Я тоже.
— Но вы подумали.
— Разумеется.
— Вот поэтому я не хотел об этом рассказывать.
Луиза чуть склонила голову.
— Потому что я писательница?
— Потому что вы очень быстро соединяете точки.
— Это плохое качество?
— Если между точками нет линии, да.
Ответ был лучше, чем Луиза ожидала.
Она посмотрела на него внимательнее.
— А если линия есть, но её просто никто не провёл?
Джозеф не ответил.
Теодор тихо сказал:
— Луиза.
— Я не давлю.
— Давишь.
— Чуть-чуть.
— Сильно.
Она вздохнула.
— Ладно.
Несколько секунд слышалось только, как где-то внутри трубы проходит вода.
Теодор первым нарушил тишину.
— Сколько детей?
Джозеф посмотрел на него.
С Теодором ему явно было легче.

Потому что Теодор спрашивал без ловушки.

— Не помню точно.

Луиза заметила слово.

Точно.

Не «не знаю».

Не «не помню».

Не помню точно.

Значит, приблизительно помнил.

Она ничего не сказала.

— Несколько случаев, — продолжил Джозеф. — Город тогда был меньше. Такое запоминается.

— Их нашли? — спросил Теодор.

Пауза.

— Не всех.

Вот теперь Луиза почувствовала что-то неприятное.

Не холод.

Не страх.

Скорее внутреннее движение, как когда одно случайное слово внезапно меняет смысл всей предыдущей сцены.

Два мальчика.

Ночью.

Потом днём.

Один прикладывает палец к губам.

Нет.

Она уже решила, что этого жеста не было.

— Среди них были мальчики? — спросила она.

Теодор повернулся к ней.

Джозеф замер.

— Да.

Ответ прозвучал тихо.

— Какого возраста?

— Лу.

Она даже не посмотрела на мужа.

— Какого?

Джозеф пожал плечами.

— Разного.

— Девять?

Его лицо изменилось.

Вот теперь Луиза увидела это совершенно ясно.

— Почему девять? — спросил он.

Очень хороший вопрос.

Луиза не сразу нашла ответ.

Потому что младший мальчик выглядел лет на девять.

Потому что именно такой возраст она мысленно дала ему ещё ночью.

Но это ничего не значило.

Она постоянно определяла возраст незнакомых людей.

Ошибалась на три года.

На пять.

Иногда на десять.

— Просто число, — сказала она.

Джозеф продолжал смотреть.

— Был девятилетний мальчик, — сказал он наконец.

Луиза почувствовала, как Теодор посмотрел на неё.

— Имя? — спросила она.

— Не помню.

Ложь.

Не громкая.

Не драматическая.

Просто ложь.

Луиза увидела её так же отчётливо, как видела трещину на кружке или пятно на рубашке.

Джозеф знал имя.

Она могла бы прижать.

Спросить снова.

Но не стала.

Потому что теперь ей стало интереснее, почему он не хочет его произносить.

— Понятно, — сказала Луиза.

Теодор посмотрел на неё с лёгким удивлением.

Он ожидал продолжения.

Она улыбнулась ему.

Видишь? Я умею останавливаться.

По его лицу читалось:

Иногда.

Клапан действительно оказался виноват.

Через двадцать минут вода наверху снова текла нормально.

Почти обидно.

Луиза стояла в ванной, пока Теодор проверял напор, а Джозеф собирал инструменты внизу.

— Всё хорошо, — сказал Теодор.

— С водой?

— С тобой.

Она посмотрела на него через зеркало.

— Что со мной?

— Ты сейчас уйдёшь в интернет.

— Возможно.

— И будешь искать девятилетнего мальчика.

— Без имени?

— Ты найдёшь.

Луиза поправила ещё влажные волосы.

— Ты так говоришь, будто это плохо.

— Нет.

— Тогда?

Теодор опёрся бедром о раковину.

— Я пытаюсь понять, что именно ты ищешь.

— Информацию.

— Нет.

Она подняла взгляд.

— А что?

— Подтверждение.

Луиза замолчала.

Он продолжил:

— Если найдёшь мальчика, похожего на того, кого видела, что это тебе даст?

— Зависит от того, насколько похожего.

— Допустим, очень.

— Тогда станет интересно.

— Лу.

— Что ты хочешь услышать?

— Правду.

Она повернулась к нему.

— Хорошо. Если я найду фотографию ребёнка, который пропал здесь двадцать лет назад, и он окажется тем мальчиком, которого я видела у яблони, я очень испугаюсь.

Теодор кивнул.

— Хорошо.

— Но прежде чем испугаться, я попытаюсь понять, где могла видеть эту фотографию раньше.

Он ничего не сказал.

— Потому что это разумнее, — продолжила она. — Я могла увидеть её где-нибудь мельком. В статье. На местном сайте. В выдаче, когда искала дом. Мозг мог запомнить лицо, а я нет.

— А если не найдёшь, где видела?

— Это не значит, что не видела.

— Удобная система.

Луиза усмехнулась.

— Реальность вообще плохо устроена для красивых выводов.

Теодор посмотрел ей в глаза через зеркало.

— А если ты действительно видела его вчера?

Теперь она не улыбнулась.

— Тогда у нас будет новая проблема.

— Какая?

— Мне придётся признать, что я не понимаю, что видела.

— Это для тебя страшнее призрака?

Луиза подумала.

— Намного.

Теодор кивнул.

Это был один из тех редких моментов, когда он не пытался её успокоить.

Не говорил: *тебе показалось*.

Не говорил: *всё нормально*.

Просто принимал ответ.

Луиза ценила это больше, чем успокаивающие слова.

— Но ты всё равно полезешь искать, — сказал он.

— Конечно.

— Я даже не сомневался.

— Зачем тогда спрашивал?

— Хотел понять, насколько далеко ты уже ушла.

— И?

Он улыбнулся.

— Пока вижу спину.

Луиза рассмеялась.

Джозеф уже стоял в прихожей.

Кофта застёгнута.

Ящик в руке.

Он явно собирался уйти быстро.

Луиза спустилась.

— Джозеф.

По его лицу прошла едва заметная обречённость.

— Да?

— Один вопрос.

— Один?

— Я могу выбрать два, если вам так спокойнее.

— Один.

— Хорошо.

Она остановилась в двух шагах от него.

— Вы сказали, что не помните имени девятилетнего мальчика.

Джозеф напрягся.

— Да.

— Вы его помните.

Тишина.

Теодор стоял на лестнице.

Не вмешивался.

Джозеф отвёл взгляд.

— Почему вы так решили?

— Потому что, когда человек действительно пытается вспомнить имя, он обычно ищет его. Хотя бы секунду. Глазами, губами, чем угодно. Вы не искали. Вы сразу решили его не говорить.

Он посмотрел на неё.

— Вы всех так анализируете?

— Нет.

— А меня?

— Вы очень выразительный.

— Не уверен, что это комплимент.

— Не комплимент.

Луиза говорила спокойно.

Без улыбки.

— Я не собираюсь вас ловить. Мне просто интересно, почему вы боитесь старой истории больше, чем должны.

— Я не боюсь.

— Хорошо. Почему она вам неприятна больше, чем должна?

— Кто определяет, насколько она должна быть неприятна?

Луиза слегка улыбнулась.

— Вот теперь хорошо.

— Что?

— Вы перестали оправдываться и начали отвечать.

Джозеф выдохнул через нос.

— Питер Андерсон.

Луиза перестала улыбаться.

— Что?

— Его звали Питер Андерсон.

Имя легло между ними.

Обычное.

Ничем не страшное.

— Девять лет? — спросила она.

— Да.

— Когда пропал?

— Осенью.

— Где?

Джозеф покачал головой.

— Это уже больше одного вопроса.

Луиза смотрела на него.

— Вы правы.

И отступила.

Это, кажется, удивило его сильнее, чем если бы она продолжила.

— Спасибо, — сказала Луиза.

Джозеф взялся за ручку двери.

Потом остановился.

— Не превращайте его в персонажа.

Фраза попала неожиданно точно.

Луиза прищурилась.

— Почему?

— Потому что он был настоящим ребёнком.

Теодор опустил взгляд.

Луиза несколько секунд молчала.

— Я знаю разницу.

— Надеюсь.

Это было почти грубо.

От Джозефа особенно.

Луиза не обиделась.

Наоборот.

Впервые ей стало интересно не то, что он скрывает, а кем он был до того, как научился всё время отступать.

— Хорошего дня, Джозеф.

Он кивнул.

— Вам тоже.

Открыл дверь.

Луиза добавила:

— И я не буду писать о Питере.

Джозеф остановился на крыльце.

Не повернулся.

— Спасибо.

Потом ушёл.

Луиза закрыла дверь.

Теодор спустился.

— Ты соврала?

Она посмотрела на него.

— Нет.

— Правда не будешь?

— Не знаю его.

— Это редко тебя останавливало.

— Выдуманный человек принадлежит мне. Настоящий мёртвый ребёнок нет.

Теодор задержал на ней взгляд.

Потом кивнул.

— Хорошо.

— Ты удивлён?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

— Мерзавец.

Он поцеловал её в висок.

— Я женат на тебе достаточно долго, чтобы знать, что мораль у тебя есть. Просто она иногда очень странно оформлена.

— Это почти признание в любви.

— Оно и было.

Луиза продержалась семнадцать минут.

Потом открыла ноутбук.

Теодор ничего не сказал.

Только сел напротив со своей чашкой и телефоном.

Луиза ввела в поиск:

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ МАЛЬЧИК 9 ЛЕТ ПИТЕР АНДЕРСОН

Слишком широко.

Тысячи результатов.

Она добавила название города.

Страница обновилась.

Сначала современные публикации.

Потом архивы.

Газетные оцифровки.

Старый форум.

Пара мёртвых ссылок.

И почти сразу:

**ПОЛИЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ ПОИСК ДЕВЯТИЛЕТНЕГО ПИТЕРА АНДЕР-
СОНА**

Дата.

Больше двадцати лет назад.

Луиза почувствовала, как язык автоматически прижался к внутренней стороне зубов.

Так происходило всегда, когда она концентрировалась.

Теодор заметил.

— Нашла?

— Да.

Она не открывала статью.

Пока.

Под заголовком была маленькая фотография.

Слишком маленькая, чтобы нормально рассмотреть лицо.

Но достаточно большая, чтобы Луиза увидела тёмные волосы.

Она нажала.

Страница грузилась медленно.

Сначала появился текст.
Потом шапка старой газеты.
Потом фотография.
Луиза перестала дышать.
Не образно.
Она действительно на несколько секунд забыла вдохнуть.
Питер Андерсон смотрел прямо в камеру.
Девять лет.
Тёмные волосы падали на лоб неровной челкой.
Один край был короче другого, будто стригли дома и ребёнок не мог усидеть.
Лицо узкое.
Большие тёмные глаза.
Левое ухо чуть сильнее оттопырено.
На подбородке маленькая светлая точка.
Шрам.
Именно её Луиза видела вчера.
Не ночью.
Днём.
Когда мальчик поднял голову к окну.
Небольшую белую отметину под нижней губой, которую она тогда приняла за блик.
Луиза приблизила фотографию.
Пиксели полезли квадратами.
Шрам остался.
Она отодвинула ноутбук.
Потом снова придвинула.
Теодор уже смотрел на неё.
— Что?
Луиза повернула экран.
Он посмотрел на фотографию.
Потом на неё.
— Похож?
Она не ответила.
— Лу?
— Это он.
Теодор замолчал.
Не рассмеялся.
Не сказал, что ей кажется.
— Насколько ты уверена?
— Не задавай этот вопрос.
— Почему?
— Потому что я хочу ответить «на сто процентов», а это идиотский ответ.
Она снова посмотрела на Питера.
Газетная фотография была чёрно-белой.
Вчера мальчик стоял у их дома в цвете.
Бледная кожа.
Тёмная куртка.
Грязные колени.
Она помнила даже то, как прядь волос прилипла ко лбу.
Теперь память услужливо подгоняла всё под фотографию.

И Луиза ненавидела её за это.
— Я могла видеть снимок раньше, — сказала она.
Теодор молчал.
— Когда мы искали дом. Или гостиницу. Или я листала что-нибудь про город.
— Ты искала что-то про город до приезда?
— Наверняка.
— Луиза.
— Не помню.
— Ты бы запомнила историю пропавшего ребёнка.
Она посмотрела на него.
— Нет.
— Правда?
— Тео, я каждый день вижу десятки страшных историй. Работа такая. Лица проходят мимо постоянно. Иногда я помню деталь и забываю источник.
— Шрам?
— Например.
Он сел ближе.
— Ты вчера заметила шрам?
Луиза не ответила.
— Луиза.
— Да.
— Ты мне не сказала.
— Потому что зачем тебе описание подбородка какого-то ребёнка?
Теодор посмотрел на фотографию.
— Ты уверена, что заметила его вчера, а не сейчас решила, что заметила?
Вот.
Правильный вопрос.
Самый неприятный.
Луиза медленно закрыла глаза.
Восстановила сцену.
Окно.
Мальчики у дома.
Младший смотрит вверх.
Лицо.
Подбородок.
Светлая точка.
Была?
Да.
Кажется.
Нет.
Она уже видела фотографию.
Теперь невозможно было отделить одно изображение от другого.
— Не знаю, — сказала Луиза.
Теодор не ответил.
— И вот это меня бесит.
Она открыла глаза.
— Я больше не могу проверить собственную память, потому что уже посмотрела на фотографию. Всё. Я испортила улику.
— Это не расследование.

— Для моего мозга уже расследование.

— Тогда остановись.

Луиза посмотрела на него.

— Нет.

Он вздохнул.

— Я знал, что ты так скажешь.

— Тогда зачем предложил?

— Иногда полезно услышать отказ вслух.

— Зачем?

— Чтобы понимать, с чем живёшь.

Она почти улыбнулась.

— Девять лет брака, а ты всё ещё удивляешься.

— Я не удивляюсь. Я адаптируюсь.

Луиза снова посмотрела на экран.

Под фотографией была подпись:

Питер Андерсон, 9 лет. Последний раз его видели вечером 14 октября...

Она начала читать.

Шёл домой.

Не пришёл.

Искали волонтёры.

Полиция проверяла лес.

Водоёмы.

Дороги.

Никаких подтверждённых свидетелей после определённого времени.

Обычный страшный текст.

Самый страшный именно потому, что написан без всякого желания напугать.

Ни одного красиво поставленного предложения.

Ни одного скримера.

Просто ребёнок вышел из одного места и не оказался в другом.

Между этими двумя точками было несколько улиц.

И больше двадцати лет неизвестности.

Луиза дочитала.

Прокрутила ниже.

— Есть продолжение, — сказала она.

Следующая статья появилась через несколько дней.

Потом ещё одна.

Поиски расширены.

Полиция просит сообщать любую информацию.

Фотография та же.

В третьей заметке упоминалось ещё одно имя.

Уильям Хаувел.

Луиза остановила прокрутку.

— Тео.

— Что?

Она не ответила сразу.

Открыла материал.

Заголовок говорил о том, что полиция проверяет возможную связь между исчезновениями детей.

Теодор пересел ближе.

— Второй мальчик?
— Похоже.
Луиза читала быстрее.
Уильям был примерно того же возраста.
Пропал раньше.
Другой район.
Другая семья.
В статье полиция подчёркивала, что подтверждённой связи между случаями нет.
Фотография грузилась.
Луиза смотрела на пустой серый прямоугольник.
Сердце билось уже быстрее.
— Лу, — тихо сказал Теодор.
— Что?
— Не надо себя заранее пугать.
Она повернулась к нему.
— Я не пугаю.
— Ты ждёшь, что там будет второй.
— Конечно, жду.
— Именно.
— А что мне ещё ждать? Рекламу стирального порошка?
Фотография появилась.
Луиза застыла.
Теодор тоже.
Уильям Хаувел смотрел чуть в сторону от камеры.
Светлые волосы.
Выше.
Худое лицо.
Луиза почувствовала, как в животе неприятно похолодело.
Он был похож на второго мальчика.
Очень.
Но не так убийственно точно, как Питер.
Не настолько, чтобы Луиза могла сказать:
Это он.
Однако достаточно, чтобы не захотелось смеяться.
Теодор первым отодвинулся от экрана.
— Всё.
— Что «всё»?
— На сегодня всё.
— Ты серьёзно?
— Да.
— Почему?
— Потому что ты уже не ищешь вдохновение.
Она резко повернула голову.
— Нет.
— Луиза.
— Не говори мне, зачем я что-то делаю.
Теодор выдержал взгляд.
— Хорошо. Тогда скажи сама.
Тишина.

Она могла ответить быстро.

Остро.

Так, чтобы закрыть разговор.

Луиза умела.

Но Теодор слишком хорошо различал момент, когда она использовала слова вместо ответа.

Поэтому она промолчала.

— Я приехала сюда за историей, — сказала она наконец.

— Знаю.

— Вот она.

— Нет.

Она прищурилась.

— Объясни.

— История это то, что ты пишешь.

Он указал на экран.

— А это случилось с настоящими людьми.

Луиза почувствовала раздражение.

Не на него.

Потому что он снова оказался слишком близко к тому, что она сама уже подумала.

— Я не собираюсь красть их жизни.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Теодор посмотрел на фотографию Питера.

— В том, что ты видела этого мальчика вчера у нашего дома.

Луиза ничего не сказала.

— Или думаешь, что видела, — добавил он.

— Спасибо.

— И теперь пытаешься одновременно доказать себе, что это невозможно, и найти доказательство, что это правда.

Она усмехнулась.

— Ты когда успел стать психологом?

— Примерно на третьем году брака. Пришлось.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

Он говорил спокойно.

И от этого спорить было сложнее.

— Я не прошу тебя бросить, — продолжил Теодор. — И не прошу перестать искать. Я вообще не хочу, чтобы ты переставала искать вещи. Это одна из причин, почему ты пишешь так, как пишешь.

Луиза посмотрела на него.

— Но?

— Но если ты начнёшь хотеть, чтобы эти дети оказались мёртвыми возле нашего дома, потому что это делает историю интереснее, скажи мне.

Её лицо изменилось.

Теодор заметил.

— Я не хочу.

— Я знаю.

— Это мерзко.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты это сказал?

— Потому что ты сама себя этим укусишь через пару дней.

Луиза замолчала.

Вот за это она иногда его ненавидела.

Он знал, где именно она нанесёт себе удар, ещё до того, как она поднимала руку.

Она закрыла ноутбук.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— На сегодня всё.

Теодор кивнул.

— Спасибо.

— Не благодари. Я всё равно буду думать.

— Это запретить сложнее.

— Невозможно.

— Знаю.

Луиза встала.

Прошла к двери.

Остановилась.

— Тео.

— М?

— Если я ещё раз увижу Питера....

Питер.

Не мальчик.

Не ребёнок во дворе.

Питер Андерсон.

Девять лет.

Пропал больше двадцати лет назад.

Теодор тоже это почувствовал.

— Позови меня сразу, — сказал он.

— Даже если ты спишь?

— Особенно если я сплю.

— А если окажется, что я всё-таки сошла с ума?

— Тогда я очень обижусь, что ты начала без меня.

Луиза фыркнула.

— Дурак.

— Зато твой.

Она ушла.

Но через несколько шагов остановилась возле двери в подвал.

Не специально.

Просто дверь оказалась рядом.

Луиза посмотрела на неё.

За ней лестница.

Ниже трубы.

Ещё ниже тяжёлый металлический люк.

А под ним старый тоннель.

В её воображении там всё ещё лежал детский ботинок.

Только теперь он изменился.

Она этого не хотела.

Не просила.

Но мозг уже сделал.
Ботинок стал маленьким.
Потёртым.
На одном боку грязь.
Шнурок развязан.
И Луиза почему-то точно знала, что он принадлежит Питеру Андерсону.
Она закрыла глаза.
— Нет.
Теодор услышал из кухни.
— Что?
Луиза открыла глаза.
Дверь в подвал была просто дверью.
— Ничего.
— Уверена?
Она ещё секунду смотрела на ручку.
— Пока да.
И пошла наверх.

Глава 6. Девочка в жёлтом

На следующий день Луиза не искала Питера Андерсона.

Это требовало некоторых усилий.

Ноутбук стоял перед ней, браузер был закрыт, телефон лежал экраном вниз на другом конце стола. Она даже не стала читать сохранённые вчера статьи про Уильяма Хаувела, хотя прекрасно помнила вкладку и знала, что достаточно двух движений пальцами, чтобы вернуться к ней.

Вместо этого она открыла рукопись.

Теодор появился в дверях кабинета с двумя чашками кофе как раз в тот момент, когда Луиза уже минут пять смотрела на одно предложение.

— Ты демонстративно не занимаешься исследованием? — спросил он.

— Я работаю.

— Поэтому сидишь с лицом человека, которому только что сообщили, что алфавит закончился?

— Я думаю.

Он подошёл к столу и поставил чашку рядом с её рукой. Луиза автоматически обхватила её ладонями, не отрывая взгляда от экрана.

— О чём?

— О человеке, у которого внутри позвоночника растут зубы.

Теодор помолчал.

— Понял.

— Нет, пока не поняла даже я.

— Это мужчина или женщина?

Луиза наконец посмотрела на мужа.

— А тебе зачем?

— Пытаюсь поддерживать разговор.

— Неважно.

— Возраст?

— Неважно.

— Почему зубы?

— Вот.

Она ткнула пальцем в воздух, будто он только что случайно нашёл нужную кнопку.

— Что «вот»?

— Именно поэтому сцена плохая. Я придумала сначала эффект, а теперь пытаюсь насильно приставить к нему причину.

Теодор сел на широкий подоконник. За спиной у него лес стоял серо-зелёным, вымытым после ночного дождя. Свет был ровным и холодным, совершенно не кинематографическим. Ни одного красивого луча сквозь ветви, ни одного клочка тумана.

— А обязательно нужна причина?

— Не всегда. Но я должна хотя бы понимать её для себя.

— Даже если читатель не узнает?

— Особенно тогда.

Луиза развернула ноутбук к нему. В документе было всего несколько абзацев.

— Смотри. Она чувствует боль в спине. Сначала думает, что мышца. Потом кожа над позвоночником начинает вздуваться. Она идёт к зеркалу, поворачивается боком и видит, как под кожей что-то двигается. Пока нормально?

— Настораживает.

— Потом один зуб прорывает кожу.

Теодор поморщился.

— Человеческий?

— Коренной.

— Почему?

— Вот опять.

— Я не специально.

— Но правильно. Почему там зуб? Если я не знаю, читатель почувствует, что я просто захотела мерзости.

— Возможно, у неё позвоночник очень плохо следил за гигиеной.

Луиза медленно повернула голову.

— Ты сейчас серьёзно пошутил про зубы в позвоночнике?

— Мне показалось, мы уже достаточно долго женаты.

— Это отвратительно.

— Спасибо.

Она снова посмотрела на текст. Образ уже успел оформиться. Позвонки в её голове стали слишком широкими, кожа на спине натянулась до прозрачности. Первый зуб выходил между лопатками коронкой наружу, раздвигая ткань медленно, почти аккуратно. Следом второй. Потом третий. Не в ряд, а хаотично, словно кто-то засыпал зубы внутрь тела и они теперь искали путь к свету.

Луиза мысленно приблизила женщину к зеркалу. Добавила кровь. Убрала половину крови. Сделала зубы молочными. Это оказалось хуже. Маленькие, слишком белые, с тонкими красными корешками, они появлялись вдоль позвоночника один за другим. Женщина пыталась дотянуться до спины и срезать их ножницами, но каждый раз, когда металлические лезвия смыкались на одном, где-то ниже под кожей начинал расти новый.

— Нет, — сказала Луиза.

Теодор уже пил кофе.

— Что теперь?

— Молочные слишком стараются быть страшными.

— Звучит как претензия к детям.

— К писателям. Ребёнок, детская игрушка, детская песенка, молочные зубы. Мы используем детское как короткий путь к тревоге, потому что читатель знает, что оно должно быть безопасным.

— А оно не безопасное?

— Оно просто детское. Это мы его портим.

Теодор посмотрел на неё поверх чашки.

— Ты вчера именно это делала с Питером?

Луиза замерла совсем ненадолго.

— Нет.

— Хорошо.

— Я обещала Джозефу.

— Я не про обещание.

— Знаю.

Она откинулась в кресле.

Теодор никогда не задавал вопросы просто для того, чтобы услышать ответ. В этом была одна из его наиболее раздражающих черт. Он ждал, пока Луиза сама найдёт то место в вопросе, куда он на самом деле целился.

— Я не собираюсь его использовать, — сказала она. — Ни имя, ни внешность, ни обстоятельства. Даже если вся эта история когда-нибудь попадёт в книгу, он туда не попадёт.

— А то, что ты почувствовала, когда увидела фотографию?

Луиза нахмурилась.

— Это другое.

— Почему?

— Потому что чувство принадлежит мне.

Теодор слегка кивнул.

— Вот теперь понятно.

— Ты меня экзаменуешь?

— Нет.

— Тогда к чему это?

Он несколько секунд смотрел в чашку, потом сказал:

— Я вчера подумал о том, что ты говорила. Про реального ребёнка и выдуманного.

Луиза ждала продолжения.

— Мне кажется, я раньше не понимал, насколько для тебя это отдельные вещи. Я думал, что ты просто берёшь всё подряд и потом превращаешь в книгу.

— Я и беру всё подряд.

— Тогда где граница?

Она ответила не сразу.

— В праве распоряжаться.

— Объясни.

— Если я вижу женщину в кафе и у неё странная привычка каждый раз перед глотком касаться чашкой нижней губы, я могу украсть жест. Она от него ничего не потеряет. Если слышу чужую фразу в очереди, могу изменить слова и оставить интонацию. Могу украсть чей-то смех, походку, привычку спать в носках. Всё это становится материалом, потому что я отрываю деталь от человека.

— А Питер?

— Питер не деталь.

Луиза подвинула чашку в сторону.

— Он пропал в девять лет. У него были родители. Комната. Наверняка любимая еда, идиотские привычки, кто-то, кто знал, как он злится и как смеётся. И есть фотография, которую двадцать лет печатали рядом со словами «пропал без вести». Если я возьму его целиком и сделаю из него хорошую сцену, это уже не наблюдение. Это паразитирование.

— Даже если никто не узнает?

— Я узнаю.

Теодор улыбнулся уголком рта.

— Вот за это я тебя и люблю.

— За профессиональную этику?

— За то, что у тебя мораль устроена как заброшенный склад. Снаружи непонятно, есть ли она вообще, а внутри всё разложено по подписанным коробкам.

Луиза некоторое время смотрела на него.

— Это было очень красиво.

— Я умею.

— Не привыкай.

Он поставил чашку на подоконник и скрестил руки на груди.

— А если мальчики снова придут?

Теперь она отвела взгляд первой.

— Позову тебя.

— Я не об этом.

— Тогда формулируй точнее.

— Если ты снова увидишь мальчика, похожего на Питера, ты будешь продолжать относиться к этому как к материалу или начнёшь относиться как к событию?

Луиза посмотрела на экран. Женщина с зубами в позвоночнике ждала, пока её удалят.

— Не знаю.

— Это честно.

— Не хвали меня за базовые человеческие навыки.

— Хорошо.

— И ты опять делаешь это.

— Что?

— Готовишься к чему-то раньше меня.

Теодор слегка нахмурился.

— В каком смысле?

— Ты уже допускаешь, что я увижу их снова.

— Нет. Я допускаю, что ты сама считаешь это возможным. Это разные вещи.

Луиза прищурилась.

— Иногда ты очень неприятный собеседник.

— Поэтому ты за меня вышла.

— Я была молодая.

— Тебе было двадцать три.

— Совсем ребёнок.

— Ужас.

Он поднялся с подоконника и забрал пустую чашку.

— У меня через двадцать минут созвон. Потом съезжу за дровами. Тебе что-нибудь нужно?

— Мозг.

— В магазине закончились.

— Тогда сигареты.

— У тебя есть.

— Тогда ничего.

Он подошёл к двери, но Луиза окликнула:

— Тео.

— М?

— Если я начну хотеть, чтобы мальчики оказались настоящими, скажи мне.

Он обернулся.

Вчера именно он первым сформулировал эту опасность, и Луиза почти сутки злилась на него за это. Не потому, что он был неправ, а потому, что мысль вообще могла быть применима к ней.

Теодор посмотрел спокойно.

— Скажу.

— Даже если я разозлюсь.

— Особенно если разозлишься.

— Хорошо.

— Но пока ты не хочешь.

Луиза помолчала.

— Нет.

— Я знаю.

Он ушёл.

И дверь кабинета осталась открытой.

Через полчаса женщина с зубами всё-таки умерла.

На этот раз окончательно.

Луиза вырезала сцену целиком и перенесла в отдельный файл, который назывался «ОРГАНИЧЕСКИЕ ОТХОДЫ».

Туда попадало всё, что было недостаточно хорошо для рукописи, но достаточно отвратительно, чтобы жалко было удалять навсегда.

Потом она встала, потянулась и прошла к окну.

Мальчиков не было.

Проверка уже стала привычкой, и это ей не нравилось.

Луиза заставила себя отвернуться раньше, чем начала искать их по краю леса.

Внизу Теодор говорил по видеосвязи. Слов было не разобрать, только спокойный низкий голос, иногда короткий смех. Из-за стены в кабинете едва слышно щёлкали трубы. Дом постепенно переставал казаться новым. Луиза уже знала, какая ступенька скрипит под левой ногой, какую дверцу кухонного шкафа нужно придерживать, чтобы она не ударила соседнюю, и сколько секунд котлу требуется после включения горячей воды, прежде чем внутри стен раздастся короткое металлическое ворчание.

Ей нравилось учить пространство.

Любой новый дом первое время состоял из неизвестности. Потом неизвестность рассыпалась на привычки, и страху приходилось искать другое место.

Луиза вернулась к столу.

Новый документ.

Новая сцена.

Она решила написать совершенно обычный диалог.

Без крови.

Без тел.

Без детей.

Два взрослых человека сидят в машине после похорон и спорят, кто из них заберёт домой собаку умершего.

Такое ей всегда давалось сложнее.

Чудовище можно заставить делать что угодно. У человека должны быть причины.

Она написала почти страницу и впервые за последние месяцы не перечитала ни одного предложения сразу после точки.

Это было хорошим знаком.

Ещё через двадцать минут дверь кабинета тихо скрипнула.

Луиза продолжила печатать.

Дверь и раньше двигалась из-за неровного пола. Она уже знала.

Скрип повторился.

— Не сейчас, — сказала она, не поднимая головы.

Пальцы продолжали бегать по клавиатуре.

В сцене мужчина только что сказал, что не любит собак, хотя Луиза уже знала, что через две главы он будет спать с этой собакой на полу возле кровати.

Из коридора донёсся очень тихий звук.

Не шаг.

Скорее прикосновение босой кожи к дереву.

Луиза остановила пальцы.

Её мозг мгновенно предложил несколько вариантов.

Первый: женщина без лица ползёт на четвереньках, и влажные ладони прилипают к полу.

Нет.

Второй: человек идёт босиком, но стопы у него срезаны до мяса, поэтому за каждым шагом остаётся красный отпечаток с белым кружком кости посередине.

Уже было.

Третий...

Луиза нахмурилась.

Ничего.

Это было неожиданно.

Обычно образ появлялся раньше, чем она успевала попросить.

Она повернулась к двери.

В коридоре стояла девочка.

Луиза не вздрогнула.

Не успела.

Сначала она просто увидела ребёнка.

Лет шесть, может быть семь. Невысокая, худенькая, но не болезненно. Тёмные волосы были подстрижены чуть ниже подбородка, неровно, будто стригли дома обычными ножницами и один раз рука ушла выше, чем планировалось. Несколько прядей прилипли к щеке.

На девочке было жёлтое платье.

Не красивое.

Не яркое.

Цвет давно выгорел и ушёл куда-то между старой горчицей и тканью, которую слишком много раз стирали дешёвым порошком. У платья был круглый белый воротничок, тоже уже не белый, а сероватый, и три маленькие пуговицы на груди. Нижняя оказалась коричневой, две верхние жёлтыми.

Луиза почему-то заметила это сразу.

Не кровь.

Не лицо.

Пуговицу.

Коричневая была чуть больше остальных и пришита чёрной ниткой крест-накрест.

Совершенно ненужная деталь.

Девочка стояла босиком.

Ступни были грязными, но нормально грязными: пыль, засохшая земля по краям пяток, тёмные полумесяцы под ногтями. На правой щиколотке виднелась тонкая царапина.

Она могла быть живой.

До лица.

Луиза подняла взгляд выше.

Глаз не было.

И даже это было неправильно.

Если бы Луиза придумала ребёнка без глаз, всё выглядело бы иначе.

Она знала.

Сначала кровь.

Или грубые края повреждений.

Разорванные веки.

Мокрые пустые глазницы.

Что-нибудь внутри, что шевелится, потому что одной пустоты писателю всегда мало и хочется заставить её работать.

Здесь ничего такого не было.

Лицо девочки выглядело почти целым.

Небольшой прямой нос. Щёки. Узкие губы, немного обветренные, как у ребёнка, который всё время облизывает их на холоде. Даже брови были на месте.

Под ними лежали закрытые веки.

Только закрывались они не поверх глаз.

Луиза увидела это сразу и почему-то поняла без всякого сомнения.

Под веками было пусто.

Не глубокие кровавые провалы. Не вычищенные глазницы. Просто кожа мягко западала туда, где должны были находиться глазные яблоки. Ресницы лежали на этих впадинах аккуратными тёмными линиями.

Никакой раны.

Никакого воспаления.

Никакой крови.

Как будто глаза вынули очень давно, а тело по ошибке решило, что так и должно быть.

Это было отвратительно.

И всё же страшнее всего оставалась коричневая пуговица.

Луиза смотрела на неё и не понимала почему.

Девочка не двигалась.

В комнате было тихо.

Снизу всё ещё доносился приглушённый голос Теодора.

Вот теперь Луиза попробовала сделать то, что делала всегда.

Исправить.

Жёлтый ей не нравился.

Слишком тёплый цвет. Слишком бытовой. В её голове такие дети обычно появлялись в белом, сером, иногда в выцветшем синем, если хотелось избежать совсем уж дешёвой символики.

Она попыталась представить платье белым.

Не получилось.

Луиза нахмурилась.

Это было почти смешно.

Конечно получилось бы. Любой мысленный образ можно изменить.

Она сосредоточилась.

Белое платье.

Нет.

Оно оставалось грязно-жёлтым.

Красное?

Нет.

Чёрное?

Нет.

Жёлтое.

Три пуговицы.

Нижняя коричневая.

Чёрная нитка.

Луиза почувствовала первые мурашки на предплечьях.

— Интересно, — тихо сказала она.

Девочка не отреагировала.

Луиза попробовала дать ей глаза.

Карие.

Потом голубые.

Неважно.

Ничего.

Веки оставались запавшими.

Она попробовала открыть их.
Воображение не подчинилось.
Вернее, оно вообще не участвовало.
Это ощущалось совершенно иначе, чем её обычные картинки.

Когда Луиза придумывала чудовище, она чувствовала сам процесс. Не буквально, конечно. В голове не было маленькой мастерской, где кто-то подкручивал суставы и добавлял кровь. Но она всегда знала, откуда пришла деталь. Сломанная челюсть вытекала из положения головы. Тёмные пятна на рубашке появлялись, потому что рана должна была что-то испачкать. Длинные пальцы требовались, если существо должно было дотянуться до двери.

Даже самые быстрые образы имели логику.
У этой девочки логики не было.
Она просто была уже готовой.
Как фотография, которую кто-то вложил между страниц её собственной книги.
Луиза медленно поднялась из кресла.
Девочка чуть повернула голову.
Следом за ней.

По позвоночнику Луизы прошёл неприятный холод.

— Нет, — сказала она.

Не девочке.

Себе.

Она сделала шаг в сторону.

Голова ребёнка повернулась на несколько градусов.

Точно за движением.

Закрытые пустые веки были направлены прямо на Луизу.

— Вот это уже нечестно.

Голос прозвучал нормально.

Почти раздражённо.

Так было проще.

Луиза сделала ещё шаг.

Девочка проследила.

В коридоре под её правой ногой тихо скрипнула доска.

Луиза остановилась.

Несколько секунд не дышала.

Потом очень медленно посмотрела вниз.

Босая ступня ребёнка стояла именно на той половице, которую Луиза уже знала. Она скрипела, если наступить ближе к стене.

Девочка перенесла вес на другую ногу.

Доска перестала скрипеть.

Луиза снова посмотрела ей в лицо.

И впервые почувствовала настоящий страх.

Не сильный.

Не тот, который заставляет кричать или бежать.

Страх был маленьким и холодным. Как кусок льда, внезапно оказавшийся в желудке.

Потому что её галлюцинации не должны были знать, какая доска скрипит.

Глупая мысль.

Конечно должны.

Луиза знала.

Значит, знало и её воображение.

Всё.

Объяснено.
Она почти улыбнулась.
— Я тебя придумала.
Девочка стояла.
Луиза услышала собственную фразу и сразу поняла, насколько странно она прозвучала.
— Ну, или не тебя конкретно. Концепцию.
Никакой реакции.
— Ребёнок без глаз. Очень свежо. Поздравляю меня.
Девочка слегка наклонила голову.
Не резко.
Не по-птичьи.
Просто как ребёнок, который не расслышал вопрос.
Луиза почувствовала, что перестаёт улыбаться.
В этом жесте не было ничего страшного.
Именно поэтому он оказался страшным.
Она снова попыталась испортить образ.
Пусть рот растянется.
Пусть зубы выпадут.
Пусть из пустых глазниц ползут тонкие белые черви и начнут падать на воротник.
Ничего.
Рот оставался обычным.
Чуть сухим.
Нижняя губа была обкусана с правого края.
Волосы лежали так же.
Коричневая пуговица.
Чёрная нитка.
На левом колене маленькое пятно засохшей грязи.
Луиза никогда бы не придумала это пятно.
Вот что вдруг пришло ей в голову.
Не потому, что была неспособна придумать грязь на детском колене.
Конечно способна.
Потому что пятно ничего не делало.
Оно не пугало.
Не объясняло.
Не готовило читателя.
Не работало.
Просто было.
Луиза медленно протянула руку к столу и нащупала телефон.
Девочка не двигалась.
— Хорошо.
Она разблокировала экран.
Открыла камеру.
Это действие впервые заставило ребёнка измениться.
Не исчезнуть.
Не броситься вперёд.
Девочка улыбнулась.
Совсем немного.
Одним уголком рта.
Луиза почувствовала, как большой палец остановился над кнопкой.

Нет.
Вот это уже было её.
Улыбающийся мёртвый ребёнок перед камерой.
Дешёво.
Понятно.
Предсказуемо.
Она почти расслабилась.
— Ага. Вот теперь узнаю.
Подняла телефон.
На экране был пустой коридор.
Луиза замерла.
Опустила телефон.
Девочка стояла там.
Подняла.
Пусто.
Опустила.
Жёлтое платье.
Босые ноги.
Закрытые веки.

Луиза несколько секунд повторяла это совершенно бессмысленное движение, пока сама не почувствовала себя человеком, который проверяет лампочку, щёлкая выключателем пять раз подряд.

Телефон вверх.
Никого.
Телефон вниз.
Девочка.
— Нет.
На этот раз голос вышел тише.
Из нижнего этажа донёсся смех Теодора.
Он всё ещё разговаривал.
Реальный звук.
Нормальный.
В двух десятках шагов от неё находился человек, который мог подняться и посмотреть.
Луиза открыла рот.
Хотела позвать.
Девочка шагнула назад.
Не больше чем на полшага.
Пол под ней снова тихо скрипнул.
Луиза замолчала.
Ей потом будет особенно неприятно вспоминать именно этот момент.
Она не знала, почему не позвала Теодора.
Может быть, потому что хотела ещё несколько секунд оставить происходящее только себе.
Может быть, профессиональное любопытство оказалось сильнее страха.
А может быть, существовала ещё одна причина, которую она никогда не сможет нормально сформулировать.
Ей показалось, что если она позовёт кого-нибудь ещё, девочка обидится.
Это была абсолютно чужая мысль.
Настолько чужая, что Луиза сразу её заметила.

Она никогда не думала о своих чудовищах как о существах с чувствами.
Они были инструментами.
Обрами.
Даже когда выглядели живыми.
А эта девочка почему-то могла обидеться.
— Кто ты? — спросила Луиза.
Вопрос прозвучал почти глупо.
Девочка не ответила.
— Ты Питера знаешь?
Никакой реакции.
— Уильяма?
Девочка слегка повернула голову.
Но не на имя.
Луиза вдруг поняла, что ребёнок смотрит куда-то мимо неё.
В кабинет.
На стол.
На открытый ноутбук.
Это было настолько неожиданно, что Луиза обернулась.
На экране оставался диалог двух людей после похорон.
Ничего больше.
Когда она повернулась обратно, девочка стояла ближе.
Теперь между ними было метра три.
Луиза отшатнулась.
Телефон чуть не выпал из руки.
Вот теперь сердце ударило тяжело.
Раз.
Второй.
— Так не делай.
Девочка продолжала смотреть на неё пустыми закрытыми глазами.
Луиза заметила ещё одну деталь.
Платье было сухим.
За окном моросил дождь с самого утра. Двор мокрый. Трава мокрая. Даже если ребёнок пришёл только от ближайшей дороги, подол должен был потемнеть.
Но ткань была сухой.
Кроме одного места.
У нижнего края справа виднелось маленькое тёмное пятно.
Не вода.
Луиза не могла понять что.
Кровь?
Нет.
Слишком коричневое.
Грязь?
Возможно.
Она почти автоматически захотела приблизиться и рассмотреть.
И остановила себя.
— Нет.
Девочка улыбнулась снова.
На этот раз обоими уголками губ.
Очень слабо.

Луиза почувствовала отвращение.
Не к пустым глазницам.
К улыбке.
Потому что ребёнок улыбался не как мёртвый ребёнок из её книг.
Не злоеще.
Не широко.
Не неправильно.
Просто вежливо.
Как будто Луиза наконец сделала что-то, чего от неё ждали.
Снизу хлопнула дверь.
— Лу! — крикнул Теодор. — Я поехал!
Луиза резко повернула голову.
— Что?
— За дровами! Тебе точно ничего не надо?
Она смотрела на лестницу.
— Нет!
— Сигареты?
— Есть!
— Буду часа через полтора!
Входная дверь закрылась.
Луиза сразу повернулась обратно.
Коридор был пуст.
Никого.
Она стояла с телефоном в руке.
Сначала просто смотрела.
Потом быстро вышла из кабинета.
— Эй.
Пустой коридор.
Она дошла до комнаты со стороны двора.
Открыла.
Никого.
Заглянула в ванную.
Спальню.
На лестницу.
— Девочка?
Собственный голос прозвучал идиотски.
Луиза спустилась на несколько ступеней.
Дом молчал.
Она остановилась.
И только тогда заметила, что держит телефон так сильно, что побелели пальцы.
— Отлично.
Вернулась наверх.
На скрипучей половице задержалась.
Нажала ногой ближе к стене.
Скрип.
Ещё раз.
Скрип.
— Я знала.
Конечно знала.

Поэтому мозг и использовал звук.
Рациональное объяснение находилось сразу.
Камера?
Здесь тоже ничего удивительного.
Телефон показывал пустой коридор, потому что девочки в коридоре не было.
Она существовала исключительно в голове Луизы.
Всё сходилось.
Кроме того, что Луиза никак не могла вспомнить момент, когда начала её придумывать.

Она не вернулась к рукописи.
Вместо этого открыла новый файл.

Написала:

ДЕВОЧКА

Потом:

6–7 лет.

Подумала.

Исправила:

Около шести.

Дальше:

**Тёмные волосы до подбородка. Жёлтое платье. Белый воротник. Три пуговицы.
Нижняя коричневая, пришита чёрной ниткой. Босая. Нет глаз.**

Луиза перечитала.

Получился протокол.

Так было правильно.

Без художественных оборотов.

Без попытки сделать страшнее.

Она добавила:

Не удалось изменить образ.

Это выглядело уже совсем странно.

Луиза удалила строку.

Вернула.

Снова удалила.

Потом написала иначе:

Образ ощущался законченным до того, как я начала его рассматривать.

Лучше.

Ещё:

Не понимаю, откуда жёлтый цвет.

Она замерла.

Почему именно цвет её беспокоил?

Луиза открыла папку со старыми книгами.

В поиске по документам ввела «жёлтое платье».

Ничего.

«Желтое платье».

Ничего.

«Жёлтый».

Результатов оказалось немного.

Жёлтый свет.

Жёлтые зубы.

Жёлтая кожа синяка.

Старая жёлтая ванна.

Ни одного ребёнка.

Луиза открыла папку с черновиками.

То же самое.

Потом почувствовала раздражение.

— Это уже идиотизм.

Разумеется, она могла придумать жёлтое платье впервые сегодня.

Человек не обязан заранее использовать каждый цвет, чтобы иметь право представить его потом.

Она закрыла поиск.

Но файл с девочкой оставила.

Теодор вернулся через час сорок.

Луиза услышала машину и только тогда поняла, что всё это время сидела в кабинете, почти не двигаясь.

Он вошёл в дом, несколько раз прошёл туда-сюда, заноса дрова, потом поднялся наверх.

Остановился в двери.

— Ты сидишь точно так же, как когда я уезжал.

— Неправда.

— Чашка на том же месте.

— Это ничего не доказывает.

Он посмотрел на монитор.

— Написала?

— Да.

— Хорошо?

Луиза задумалась.

— Не знаю.

Теодор снял куртку и бросил её на кресло.

— Можно?

Она обычно не позволяла ему читать сырой текст без приглашения.

Он всегда спрашивал.

Луиза развернула ноутбук.

Теодор прочитал несколько строк.

Чем дальше, тем меньше понимал.

— Это не сцена.

— Нет.

— Заметка?

— Да.

Он дошёл до строки про глаза.

Посмотрел на Луизу.

— Ты её видела?

Она кивнула.

Теодор не спросил, настоящую ли.

Это Луиза заметила сразу.

— Где?

— Здесь.

— Когда?

— Пока ты разговаривал внизу.

— Почему не позвала?

— Хотела посмотреть.

Его лицо слегка изменилось.

Не страх.

Раздражение.

Редкая эмоция для Теодора, особенно по отношению к ней.

— Луиза.

— Я знаю.

— Нет. Если ты видишь в доме ребёнка, которого здесь не должно быть, сначала зовёшь меня, потом удовлетворяешь профессиональное любопытство.

— Она не была настоящей.

— Ты сейчас уверена?

Луиза открыла рот.

Закрыла.

Теодор сел напротив.

— Расскажи.

— Я записала.

— Не текст. Мне.

Она посмотрела на него.

Это была ещё одна его привычка. Если Луиза начинала уходить в формулировки, он просил говорить, а не читать. Потому что в написанном она могла спрятаться лучше.

— Девочка лет шести. Может, семи. Жёлтое платье, босая. Глаз нет.

— Как нет?

— Просто нет.

— Раны?

— Нет.

— Кровь?

— Нет.

— Тогда...

— Тео, я знаю, как это звучит. Под веками пусто. Как будто глаз никогда не было или их удалили настолько давно, что всё давно зажило. Я не знаю.

Он помолчал.

— Это одна из твоих картинок?

— Должна быть.

— Но?

Луиза потёрла большим пальцем край стола.

— Я обычно знаю, что делаю.

— Когда представляешь такое?

— Да.

— Даже когда оно возникает само?

— Особенно тогда. «Само» не значит из ниоткуда. Я вижу форму и понимаю, как мозг её собрал. Например, та женщина без кожи. Я сначала увидела чехол в шкафу, потом мозг добавил человека. Я могу поменять детали. Могу убрать кровь. Могу переставить глаза. Иногда образ возвращается, но он всё равно мой.

— А девочка?

— Не двигалась.

— В смысле?

— Я пыталась изменить платье. Не смогла. Пыталась дать ей глаза. Не смогла. Я даже рот ей нормально испортить не смогла.

Теодор смотрел на неё молча.

Луиза усмехнулась.
— Очень профессиональная формулировка.
— Я пытаюсь понять.
— Вот и я.
— И ты решила, что это значит...
— Ничего я не решила.
Она ответила резче, чем хотела.
Теодор не отступил.
— Хорошо.
Луиза выдохнула.
— Прости.
— Не за что.
— Меня бесит, что у меня нет объяснения.
— Есть.
— Какое?
— Ты устала. Ты почти не спишь. Последние несколько дней только и делаешь, что думаешь о мёртвых детях и о том, что видела возле дома.
— Это не объясняет, почему картинка ощущалась иначе.
— Нет. Но объясняет, почему картинка вообще появилась.
— Возможно.
Он посмотрел на файл.
— Она что-нибудь делала?
— Стояла.
— Говорила?
— Нет.
— Подходила?
Луиза не ответила сразу.
— Да.
Теодор нахмурился.
— Насколько близко?
— Метра три.
— И ты всё равно меня не позвала.
— Ты был на звонке.
Он посмотрел на неё так, что Луиза сама услышала слабость аргумента.
— Да, знаю.
— Что ещё?
Она рассказала про телефон.
Про пустой экран.
Про скрип половиц.
Про то, как девочка поворачивала голову вслед за ней.
Про платье.
Не рассказала только одну вещь.
Мысль о том, что ребёнок мог обидеться, если Луиза позовёт Теодора.
Она не знала почему.
Просто оставила её себе.
Когда закончила, Теодор долго молчал.
— Ты мне не веришь, — сказала Луиза.
— Неправильно.
— Тогда что?

— Я верю, что ты это видела.

— Очень дипломатично.

— Потому что это единственное, что я знаю точно. Ты видела. Была ли она там, я не знаю. Луиза кивнула.

Ответ ей понравился.

— И что будем делать? — спросил он.

— Ничего.

— Совсем?

— А что предлагаешь? Вызвать полицию и сообщить, что моя жена видела ребёнка, который не записался на камеру её телефона?

— Я не про полицию.

— Тогда?

— Сегодня ты не остаёшься одна.

Луиза сразу поморщилась.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это уже слишком.

— Что слишком?

— Начать перестраивать жизнь вокруг того, что существует только в моей голове.

— Мы пока не знаем, где оно существует.

Она посмотрела на него.

— Ты сейчас специально?

— Что?

— Говоришь так.

— Как?

— Будто допускаешь.

Теодор пожал плечами.

— Я допускаю много вещей. Это не значит, что считаю их вероятными.

— Например?

— Например, что ты действительно видела соседского ребёнка.

— Без глаз?

— Нет. Что увидела ребёнка, а остальное достроила.

— Камера была пустая.

— Она могла уйти из кадра.

— За четверть секунды?

— Не знаю.

— Вот.

— А ещё допускаю, что всё это было у тебя в голове. И допускаю, что мне сейчас важнее не выбрать правильную теорию, а убедиться, что ты не полезешь одна за девочкой в лес, подвал, вентиляцию или куда-нибудь ещё, что покажется тебе литературно перспективным.

Луиза почувствовала, как уголок рта всё-таки дёрнулся.

— В вентиляцию я физически не помещусь.

— Спасибо. Одной проблемой меньше.

— В подвал я и так хожу.

— Я имел в виду под люк.

— Он закрыт.

— Это меня пока и утешает.

Луиза посмотрела на мужа внимательнее.

— Ты боишься?

Он подумал.

— За тебя да.

— Не девочку?

— Я её не видел.

— А мальчиков?

— Тоже.

— А человека в окне?

— Тоже.

— Получается, пока единственный источник всей мистики в этом доме — твоя жена.

— Это я знал ещё до переезда.

Она улыбнулась.

— Скотина.

— Зато честно.

Теодор поднялся и протянул ей руку.

— Пойдём есть.

— Я не голодна.

— Поэтому пойдём есть.

— Это не логика.

— Ты сегодня обедала?

Луиза задумалась.

— Кофе считается?

— Нет.

— Тогда нет.

— Вот.

Она вложила ладонь в его руку и встала.

У двери Теодор остановился на той самой скрипучей половице.

Доска тихо простонала под его весом.

Луиза тоже остановилась.

— Здесь? — спросил он.

— Что?

— Она стояла здесь?

Луиза посмотрела вниз.

— Сначала чуть дальше. Потом здесь.

Он перенёс ногу.

Скрип прекратился.

— Значит, звук ты действительно знала.

— Спасибо.

— Я не пытаюсь тебя разоблачить.

— Звучит именно так.

— Пытаюсь понять, какие детали могли прийти из памяти.

Он снова наступил на доску.

Скрип.

— Эту могла.

— Да.

— Платье?

— Не знаю.

— Пуговица?

Луиза посмотрела на него.

— Я тебе не говорила про пуговицу.

Теодор замер.

— Какую пуговицу?

Холод вернулся мгновенно.

Луиза несколько секунд просто смотрела на мужа.

Потом поняла.

— В файле.

— Что?

Она выдохнула.

— Ты прочитал. Нижняя коричневая.

Теодор нахмурился, потом вспомнил.

— Да. Точно.

— Господи.

Она рассмеялась, но смех получился слишком резким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.